Вера Чиркова
Старый замок. Приманка
Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Приобретение затерявшегося среди озер и болот старинного замка оказалось для Вельены тем самым камушком, который срывает с горы всесокрушающую лавину. Внезапно проснувшиеся у девушки новые способности резко изменили ее судьбу, и теперь только от сообразительности и стойкости самой Вельены зависит, удастся ли ей живой и невредимой выбраться из смертельной ловушки. И не потерять при этом ни неожиданно вспыхнувшую запоздалую любовь, ни дружбу и уважение поверивших ей загадочных и невероятных существ.

Вера Чиркова
Старый замок. Приманка

© Чиркова В. А., 2017
© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

Глава 1

— Леди Вельена Глоэн ле Морнье, прошу следовать за мной, — строго и холодно возвестил появившийся за решеткой белокурый и голубоглазый лорд в форме дознавателя с простой звездой на груди и грозно звякнул засовом, отпирая дверь.

Я спокойно поднялась с жесткой лежанки, оправила юбку, достала зеркальце, полуотвернувшись, проверила, не растрепалась ли прическа, а заодно — на кого на самом деле похож этот лорд дознаватель.

Как выяснилось — на самого себя, и это несколько успокоило. Гордо подняв голову, спокойным шагом уверенной в себе леди молча направилась следом за ним, прикидывая, далеко ли отсюда башня дознавателей.

Мы прошли длинным коридором, поднялись по довольно широкой лестнице и оказались возле внушительной двери, украшенной не только металлическими заклепками, но и магическими символами.

— Сюда, — распахивая эту дверь, грозно процедил блондин, но меня его недружелюбие ничуть не испугало.

В душе крепла уверенность, что вся эта чрезмерная суровость — не более чем спектакль, и, разумеется, портить его лорду главному дознавателю я не стану. Подыграю драгоценному учителю, раз он так желает. Но вот выводы все же сделаю свои собственные и дальше буду действовать, опираясь только на них.

В комнате стоял круглый стол. В столешницу была врезана точно такая же звезда, как сиявший на груди Танрода знак главного дознавателя, и она на несколько мгновений прочно приковала мое внимание переливами света, волнами идущими от центра к вершинам лучей и возвращавшимися назад по внутренним коротким линиям. Все присутствующие молчали, пока я на нее смотрела, и лишь после того, как оторвала взгляд от странного амулета и перевела его на сидящих за столом лордов, главный дознаватель глухо предложил:

— Садитесь, леди Глоэн.

— Благодарю, — ответила я с вежливой прохладцей, прошла в указанном направлении, с сомнением оглядела высокий и неудобный стул и направилась к стоящему у стены дивану.

Уселась, аккуратно расправив юбку, достала зеркальце и снова, слегка отвернувшись, подправила прическу.

Двое молодых дознавателей, сидевших по разные стороны от Танрода, — блондин, который привел меня сюда, и кареглазый шатен — в зеркале как по мановению волшебной палочки стали чуть ли не вдвое старше своего возраста и выглядели очень солидно. Но я-то прекрасно видела, что оба они почти мне ровесники, и догадывалась, где могла прежде встречать карие глаза второго помощника Танрода.

— Позвольте ваше зеркальце, леди. — Вредный блондин уже стоял рядом со мной, требовательно протягивая руку.

— Зачем? — возмущенно поджала я губы, однако зеркало все-таки отдала.

Пусть посмотрит, раз такой подозрительный, мне не жалко. Зато появится прекрасный повод выказать свое возмущение.

— Извините. — Бдительно изучив подарок жениха, маг разочарованно вернул мне безделушку.

— Нет, — холодно отрезала я, — не извиню. Сначала поясните, какие преступные или

запретные сюрпризы вы намеревались найти в моем зеркальце?

— Мне показалось, — сквозь зубы процедил он, и на белой коже вспыхнули яркие пятна румянца, — будто это артефакт.

— А вот мне кажется, — тем же тоном сообщила я, — что вам не подходит эта должность. Вы могли бы и заранее подумать — откуда у меня может взяться артефакт?

— А откуда у вас взялся жених? — не сдержался он. — И необычная привязанность принцессы? И кстати, вы уже знаете о своих способностях?

— Да, — уверенно кивнула я, гадая, почему молчат остальные дознаватели.

— От жениха? — догадался маг и, прищурившись, уставился на меня так пристально, словно уже поймал с поличным. — А он вам говорил, что вы должны были первым делом незамедлительно отправиться в Саркан, чтобы совет магистров объяснил вам все ваши права?

— Да, — снова невозмутимо подтвердила я, догадываясь, что Танрод слегка схитрил.

О чем-то умолчал, слегка исказив смысл правил ковена. Но это вовсе не означает, что я тотчас ринусь выдавать мелкие хитрости учителя этому весьма рьяному молодому лорду. Да и кому-либо другому.

Нужно быть крайне недалекой особой, чтобы по первому же слову совершенно незнакомого человека, хотя бы даже мага, начинать подозревать в чем-то неприглядном мужчину, которого уже успела рассмотреть, изучить и признать своим. Пусть еще не самым любимым и единственным, но уже учителем, сообщником, напарником и другом.

— Так почему же вы до сих пор туда не сходили?

— У меня имелись обязанности, которые я сочла более важными. — Вот теперь в моем голосе звенела ледяная сталь и гордость древнего знатного рода. — Я пообещала ее высочеству свои услуги ранее, чем узнала о способностях, и не считала допустимым изменить собственному слову.

— Леди Вельена, — заговорил наконец Танрод, — что вы можете вспомнить о нападении герцога Бетдино?

— Не было никакого нападения, — огрызнулась я, еще разозленная блондином. — Он подъехал один, без оружия, попросил разрешения приветствовать невесту. И она разрешила.

— Но вы почему-то полезли на козлы, — тихо заметил кареглазый.

— А куда вы полезли бы? — едко осведомилась, приподняв бровь и глядя ему в глаза. — На запятки?

— Вам капитан Грензи предлагал сесть в другую карету.

— А принцесса велела не отходить от нее ни на шаг, — парировала я. — Так кого мне было слушать в той ситуации? Ведь принцесса взяла меня в компаньонки, а лорд Грензи пока еще никем не назначал. Кстати, вы мне напомнили про мои способности. Лорд Ледхар, помнится, объяснял, что магов могут судить только в Саркане, тогда почему вы меня тут допрашиваете?

— Как свидетеля, — осторожно напомнил Танрод Ледхар.

— В таком случае боюсь даже представить, как вы разговариваете с подозреваемыми, — съязвила я и свысока уставилась на блондина: — Ну, какие у вас еще будут вопросы? Может, вас наконец заинтересуют странности, которые я заметила в поведении кучера и капитана Грензи, а не мои личные дела?

— Ваши личные дела не могут не волновать лордов дознавателей, — сухо заметил Ледхар, но я уловила в его голосе нотку сарказма. И оба молодых мага, по-видимому, тоже,

так как сразу помрачнели. — А про поведение кучера, офицера и ее высочества мы уже все выяснили. Оказывается, герцог Бетдино где-то достал мощный артефакт подчинения — имеющиеся у его светлости небольшие способности к магии позволяют ему очень уверенно пользоваться этим оружием. Но одновременно он может вести только одного человека. До вас просто очередь не дошла.

У меня мгновенно возникли сомнения в правоте этого утверждения, но оспаривать его было вовсе не в моих интересах. Тем более что учитель сам запретил высказывать здесь свои догадки.

Стоящий на столе ларец блеснул синим огоньком, и Танрод немедленно открыл крышку. Прочел полученное сообщение и важно объявил:

— Леди Глоэн, вы свободны. Недавно очнулась принцесса и желает вас видеть, лакей ждет за дверью.

— Прощайте, — дерзко усмехнулась я, покидая комнату и ничуть не жалея о потере всяческой привлекательности в глазах юных магов.

Женская интуиция, усиленная опытом работы в «Женских тайнах», подсказывала, что неспроста лорды дознаватели пытались заставить меня усомниться в честности Танрода. Но об их странном поведении я собиралась подумать позже, сейчас меня более всего тревожило здоровье Гили.

В небольшую, уютную столовую на втором этаже, куда привел меня лакей, я буквально влетела, прекрасно представляя, как чувствует себя ее высочество и какие вопросы ее беспокоят.

Онгильена сидела в кресле у распахнутого окна, и рядом с ней стоял накрытый к завтраку стол. На двоих, судя по чашкам и приборам.

— Леди Вельена, отныне ваша обязанность — завтракать со мной, — важно сообщила ее высочество и небрежно кивнула замершим у стены горничным: — А вы можете идти. Если понадобитесь, я позвоню.

Служанки с каменными лицами покинули столовую, и только тогда я решилась пройти к столу и присесть в соседнее кресло. Не хотелось давать любознательным особам, по дворцовому обыкновению подслушивающим и вынюхивающим свежие новости и разносящим сплетни, повода обвинить меня в несуществующих провинностях.

— Не волнуйся, — поняла мои предосторожности Гили, — папенька каждую осень выгоняет пару десятков слуг, и я сегодня пообещала своим горничным, что впишу всех их в этот список, если они провинятся так же, как ездившие на воды с моей свитой.

— Как ты себя чувствуешь? — тихонько спросила я, рассматривая бледноватые щеки принцессы.

— Уже хорошо, — учтиво улыбнулась она, вгляделась в мое лицо и с тоской выдохнула: — Но встречаться с ним больше не смогу. До сих пор слышу в голове этот змеиный шепот… и боль в висках, как будто давят чем-то очень тяжелым. Но хуже всего страх — он ведь мог приказать все, чего ни пожелал бы, и я бы безропотно пошла.

— Когда он начал… шипеть? — осторожно осведомилась я.

— Как только подъехал. Просто смотрел на меня, а я слышала приказ быть вежливой.

— А что сказали маги?

— Пообещали сделать амулет. — Губы принцессы искривила горькая усмешка. — Отменить эту свадьбу никому не под силу. Его величество давно сказал мне, что принцессы

не имеют права думать о себе, им положено думать о благе родины.

Мне оставалось лишь тяжко вздохнуть в ответ: как ни крути, но император в чем-то прав. И я так же сказала бы любой другой принцессе… но не Гили, ставшей мне сестрой по судьбе. Значит, нужно сделать все, чтобы свадьба не состоялась, и теперь я буду думать над этой задачкой день и ночь, но сначала спрошу совета у Луизьены.

Я провела с принцессой все время до обеда, а потом прибыл обоз, и лакеи притащили сундуки Онгильены. А следом за ними заявился скучно-вежливый лорд архивариус, с самой равнодушной физиономией посочувствовал ее высочеству и сообщил, что мой багаж уже погружен в его коляску. А сам жених намерен сопроводить меня в свой дом, где для меня приготовлены комнаты и прислуга стряпает праздничный обед.

— Не буду вас задерживать, леди Вельена, — уныло вздохнула Гили и, едва Танрод отвернулся, лукаво подмигнула: — Но не забудьте, завтра с утра вы должны быть здесь.

Я скромно шла по лестницам и залам дворца, положив руку на локоть молчаливого и невозмутимого лорда архивариуса, и делала вид, будто не замечаю горящих любопытством взглядов, которыми провожали нас все встреченные дамы. И незнакомые, и те, с кем я еще сегодня утром сошла с трапа императорской шхуны.

Коляска оказалась крытой двуколкой, правил ею мой учитель лично, и нужно признать, очень уверенно, ему явно приходилось делать это не единожды. Впрочем, насколько я помню, он многое умел делать собственноручно, причем с неизменными спокойствием и ловкостью. Не той залихватской, которой бравируют щеголи, выучившие искусство фехтования или танца, а экономной в движениях сноровкой человека, точно знающего, как лучше сделать начатую работу.

И мне всегда это нравилось в людях, но сейчас не время думать о собственных мечтах и предпочтениях, все равно помолвка фиктивная и особого интереса к своей персоне в глазах магистра я пока не замечаю. Хотя по тому, как он подгоняет лошадок, могу предположить, что лорд не забыл о моем обещании выдать ему все тайны, и начинаю беспокоиться все сильнее.

Одновременно понимаю все яснее — никакого повода для тревог нет, но старинный, вьевшийся в душу страх перед разоблачением не вытряхнешь из сердца так просто. Кстати, какими словами убедить Танрода, что признание, которое я собираюсь сделать, вовсе не шутка и не игра больного воображения? Вот чего никогда не любила, просто терпеть не могла, так это доказывать свою правоту. Особенно недоверчивым клиентам, твердо уверенным, будто они все знают лучше, а я просто пытаюсь их обмануть с особо корыстными целями.

Впрочем, можно и не доказывать, достаточно один раз показать. Тем более что мне все равно нужно приобрести кое-какие мелочи из тех, какие каждая дама во дворце обязана иметь свои собственные, если, разумеется, не уверена в абсолютной надежности защитных амулетов. Хотя я и не знаю, бывают ли амулеты, способные уберечь от различных добавок в пудре и помаде, из которых перец и толченое стекло — самые безобидные.

— Танрод, на следующем углу будет магазин мадам Ювени, мне нужно зайти к ней на десять минут, — учтиво попросила я жениха.

— Составь список, я все привезу, — и не подумал он остановиться.

— Танрод! — Мне стоило большого труда не зарычать, подобно тигрице. — В жизни

бедных девушек не так уж много радостей, и очень жестоко отнимать последние!

— Вельена, — остановил коляску лорд архивариус и уставился на меня укоризненным взглядом, — завтра я принес бы тебе самое лучшее из сарканских магазинов. А сегодня мне некогда, ведь десяти минут тебе не хватит. Знаю я, сколько времени нужно дамам, чтобы обойти эту лавочку с тысячью мелочей!

— Тебе попадались женщины, — выскальзывая из повозки, сообщила я примирительно, — которые сами не знали, чего им нужно. Да и нужно ли вообще. А я иду за вполне определенными вещами и рассматривать все подряд не собираюсь.

— Я пойду с тобой, — попытался навязаться мне в компанию жених, но тут уж я была непреклонна:

— Ни в коем случае, если не хочешь, чтобы я потом всегда ходила с тобой к твоему сапожнику и оружейнику.

— Да? — засомневался лорд дознаватель, и когда я уже была почти у входа в заведение мадам Ювени, до меня донеслось задумчивое: — А я ничего не имел бы против.

В ответ на это явно ошибочное предположение я лишь иронично фыркнула, точно зная, насколько дотошливыми и неторопливыми становятся мужчины, когда оказываются перед кучей кинжалов, шпаг и арбалетов. И невыносимо капризны, если дело касается обуви. Сивено, мой верный помощник в некоторых прошлых делах, в молодости испробовал кучу ремесел. Был охранником, поваром, печником, актером и циркачом и обычно отличался собранностью, немногословностью и осторожностью. Но совершенно менялся, стоило нам зайти в лавку, чтобы купить ему очередной маскарадный костюм. И мог перемерить два десятка сапог, утверждая, что это в его работе такая же важная деталь, как маска и оружие.

Оказавшись в лавке, где не была более полугода, я вмиг позабыла про оставленного на улице жениха. Помнила лишь о времени, не солгав Танроду ни единым словом. Прошлое ремесло уже давно научило меня не смотреть все подряд товары, а покупать лишь проверенные на собственном опыте помады и тени, не доверяя слишком дорогим и слишком дешевым. В первых никогда не будет никаких чудесных цветов папоротника или слез русалок, а вторые непременно будут пахнуть старым жиром.

Из магазинчика я выскочила уже через шесть минут, в обеденное время у мадам Ювени, как обычно, было немного народу, люди вокруг жили состоятельные и солидные и предпочитали в этот час сидеть за накрытым столом.

— Я был неправ, — подсаживая меня в коляску, нехотя признался Танрод, — ты и в самом деле умеешь быстро ходить по магазинам.

Он хотел добавить что-то еще, но раздумал, помрачнел, и остаток пути мы провели в молчании. Я обдумывала сюрприз, который готовила жениху, и не стала интересоваться, какая муха снова его укусила. А лорд дознаватель не горел желанием ничего объяснять, и это было его неоспоримым правом: насколько мне известно, даже законные мужья нечасто балуют жен подробными докладами, предоставляя им додуматься до истины собственными силами. Ну а мне и догадываться пока не положено… и понимать это почему-то все досаднее.

— Сиди, — предупредил маг, когда мы подъехали к воротам, спрыгнул с двуколки, отпер створки и завел лошадь во двор. — Это наш собственный выезд, теперь по утрам я буду сам доставлять тебя во дворец.

— Разумное решение, — вежливо отозвалась я. — Энергия будет экономиться. А в крайнем случае я и сама смогу править.

Танрод покосился на меня с откровенным изумлением и повел лошадку к появившемуся за ночь сарайчику, возле которого благоухали две кучки, побольше — свежего сена, поменьше — того, во что превращают его лошади.

Кыш спрыгнул мне навстречу с большой кучи, потянулся и принялся нюхать руки.

— Извини, дружок, — вздохнула я, направляясь к дому, — украсть для тебя пирожное не получилось. У меня не было ни сумочки, ни вместительного кармана.

— А если бы карман был? — заинтересовался догнавший нас Танрод.

— Обязательно украла бы, у нас это ритуал.

— Ну а о том, что можно попасться, ты бы не беспокоилась? — Лорд дознаватель смотрел так испытующе, словно я снова сидела в той камере.

— Допустим, поймаюсь, — согласилась я, тотчас решив ему отомстить, — но молчать и краснеть не стану. Разрыдаюсь и расскажу, что жених скуповат, не покупает никаких сладостей, дабы я не потолстела. И этим пирожным я собиралась полакомиться после скудного ужина. Думаю, после этого мне выдали бы корзинку с разными сластями.

— А моя репутация, значит, ничего не стоит?

— Чья «твоя»? Мага, главного дознавателя или старого архивариуса, соблазнившего юную племянницу? — лукаво осведомилась я, но Танрод шутки не принял.

— Действительно, — буркнул он мрачно и строго сказал: — Но об этом потом. У нас всего несколько минут, умыться и перекусить, потом идем в Саркан. Я получил приказ привести тебя познакомиться.

И направился в столовую.

«Похоже, сюрприз придется отложить», — сообразила я и помчалась в свою комнату припрятать купленное.

Глава 2

Обедали мы вдвоем, экономка уже ушла. Поспешно и молча жевали жаркое, и во мне вдруг зародилось и начало расти подозрение, постепенно выросшее в уверенность. Вовсе не так уж мала была провинность Танрода, и обманул он меня не в мелочах, как я считала совсем недавно. Следовательно, сейчас лорда самого главного и сурового дознавателя ждет кара, и я даже представить боюсь, как магистры наказывают друг друга. Но вряд ли это будет просто выговор или штраф, какие накладывает за мелкие провинности сам Ледхар. Магов ведь этим не проймешь, значит, я должна заранее знать, чего мне ждать от этой поездки в цитадель. Смены учителя, жилья или, может, потери жениха?

Ну уж нет, ни с чем таким я не согласна и сидеть сложа ручки, кротко принимая все, чем решат порадовать новые сородичи, вовсе не собираюсь.

— Танрод, я хочу задать один вопрос.

— Позже, сейчас пора идти, — на миг оторвался он от еды.

— Нет. Никуда я не пойду, пока ты не намекнешь, чего мне ждать от твоих собратьев. И почему ты их так боишься?

— Я их вовсе не боюсь, — отказался магистр, — ничего они мне не сделают. Только…

Он замолк на долгую минуту, мрачно сопя и играя желваками, и я пожалела, что завела этот разговор. Ну и зачем мне это нужно — как будто сама не знаю, насколько не любят признаваться в своих ошибках и просчетах сильные и смелые в других ситуациях мужчины. Еще и советы всегда давала настойчивым дамам, твердо уверенным, что их любимые мужчины не имеют права даже на крохотные секреты и обязаны о каждом шаге докладывать женам или невестам.

— Танрод, — встала я с места, подошла к нему и положила руку на плечо. — Извини. Не нужно ничего говорить. Мне достаточно просто знать, что мы идем не в темницу и никто не будет там тебя наказывать.

Он, не поднимая взгляда, невесело усмехнулся и вдруг прижал мою руку щекой к плечу.

— Вели… это ты меня прости. Просто сначала у тебя не было способностей, понимаешь?

— Нет, — честно ответила я.

Ничего не понимаю, но когда его щека так доверчиво лежит на моей руке, в душе просыпается незнакомая, до слез щемящая нежность, и не хочется ни о чем думать и куда-то идти.

— Там поймешь, — наконец хмуро сообщил Танрод и, осторожно сняв мою ладонь с плеча, нежно поцеловал пальцы. — И тогда не забудь моих слов.

— А больше ты мне ничего не скажешь? — Вот теперь я начала лучше постигать претензии женщин, имеющих слишком молчаливых и таинственных женихов. — А если начнут спрашивать про Глоэн? Никто не поймает меня на лжи?

— Ну мы же это вчера уже обсудили, — вздохнул Танрод. — А проверять тебя не будут, не волнуйся. Все новички немного лукавят и скрывают какие-то мелкие, никому не нужные тайны, и все магистры это знают. Людям трудно вдруг поверить в исполнение несбыточной мечты… но об этом я тоже говорил. Идем, мне непозволительно заставлять собратьев ждать.

И, не отпуская моей руки, направился в кабинет. Идти так было не очень привычно и вовсе не удобно, но я терпела и ни за какие блага не отобрала бы ладонь первой.

Маг сам ее отпустил, едва мы оказались в светлом, просторном, как зал, помещении. Рассмотреть подробнее мне не удалось, напротив нас на удобных невысоких диванах расселись десятка полтора мужчин и женщин, одетых очень странно… если не сказать развратно.

Впрочем, именно так и решили бы все до единой добропорядочные женщины и девушки империи, обнаружив, что на сидящих перед ними с самым непринужденным видом мужчинах нет ничего, кроме нижних штанов, а на дамах — юбок и куцых летних бюстье. Но на лицах при этом цветут самые доброжелательные и учтивые улыбки, особенно у молодых мужчин, которых, кстати, здесь большинство.

— Добрый день, леди Вельена, — проникновенно произнес чарующим голосом один из этих самых мужчин, невольно привлекая мое внимание к собственной белокурой персоне.

Я с изумлением уставилась на его обнаженную грудь, украшенную рыжеватыми колечками, на короткие, чуть ниже колен, подштанники из белого поплина и начала сомневаться, что правильно понимаю происходящее. Ведь даже если у них здесь мода такая, то ведь не могли же они не понимать, как шокируют бывшую монашку, сразу представ перед ней полуголыми?

— Вельена? — насторожился и без того мрачный Танрод. — В чем дело?

— Я… — Договорить мне не удалось, в голову вдруг пришла немыслимая, но единственно возможная в этой ситуации догадка.

Где же мое зеркальце? Неужели оставила в спальне? Нет, слава богам, вот оно. Поспешно выхватила зеркало из чехла, полуотвернулась от хозяев Саркана и с предвкушением уставилась в стекло.

Так и есть. В зеркале отражается компания прилично одетых в светлые костюмы и платья людей, ни один праведник не придерется.

Но как же мне теперь с ними разговаривать? Не могу же я спокойно обсуждать свою жизнь с раздетым мужчиной? Или безмятежно улыбаться даме в розовом кружевном полупрозрачном бюстье?

Кем они будут считать меня саму после того, как разберутся в моих способностях?

— Леди Вельена! — не выдержала дама в сиреневом шелковом платье, которая без зеркала щеголяла тем самым бюстье. — Не волнуйтесь. У вас все в порядке.

— У меня-то да, — охотно согласилась я, начиная неудержимо хихикать, — а вот у вас… не очень.

— Что именно ты имеешь в виду? — сурово свел брови следивший за мной Танрод и вдруг оглянулся на собратьев по дару: — Неужели кто-то из вас одет в иллюзию?

— Ну так жарко же, — пожало плечом отражение мужчины в нарядной голубой рубашке и шелковом колете. — А зачем ты спрашиваешь?

— Просто моя ученица не видит иллюзий! — процедил Танрод. — Я ведь писал!

— А мороков? — отстраненно заинтересовался кто-то, еще не сообразив, отчего так злится лорд дознаватель.

— Ничего! — рявкнул взбешенный Ледхар. — Вы сейчас сидите перед ней в одном нижнем белье… если оно на вас есть, разумеется.

— Рубашек нет ни на ком из мужчин, — скромно подтвердила я и снова не удержалась от смешка: — И брюк — тоже.

— А я? — встрепенулась некрасивая дама в очень милых панталонах с кружевными оборками и пикантном бюстье с атласными прошивками и крохотными бантиками. — На

мне надето платье.

— Вам назвать цвет оборок на вашем белье или сосчитать бантики? — язвительно осведомилась я, начиная осознавать, что нам просто не верят.

И это понимание смыло мой смех, как холодная вода.

— Но это невозможно, — охнула еще одна жительница Саркана, на этот раз довольно молодая и миловидная, зато с багровым синяком на щеке, совершенно незаметным в зеркальце.

— Так же возможно, — от обиды за Танрода ляпнул мой язык, опередив рассудок, — как ссадина на вашем лице.

Все маги мгновенно смолкли и насторожились, а потом начали поспешно покидать беседку. Некоторые ушли магическими путями.

— Зря ты обидела Корену, — устало заметил магистр и повел меня к креслам, стоящим напротив опустевших диванчиков. — Она возится с одаренными парнишками, найденными в самых бедных семьях.

— И они за это ставят ей синяки? — угадала я, но сдаваться не пожелала: — Я тоже дралась бы, если бы дар проснулся, когда еще были живы мои родители и маги забрали меня из родного дома.

— Она добрая женщина. — Танрод оглядел совершенно пустой столик и покосился на меня: — А что ты видишь на столе?

— Старинную инкрустацию четырьмя видами дерева в виде розы ветров и каких-то символов, — присмотревшись, послушно доложила я.

— Поразительно, — пробормотал кто-то за нашими спинами, и мы дружно оглянулись.

Стоявший в трех шагах мужчина был уже немолод, судя по взгляду, и полностью одет. Но слегка «плыл», как отражение в воде.

— Ты его видишь? — спросила я учителя.

— Нет, думаю, он под «невидимостью». А ты?

— Вижу отлично, но он чуть рябит. Немолодой мужчина, точнее, маг, глаза темно-серые, похожи на твои, взгляд умный, немного недоверчивый, волосы без седины, костюм летний стального цвета. Еще?

— Достаточно, — еле заметно усмехнулся Танрод. — Это старший магистр Вайрес. Он и в самом деле мне родственник, старший брат по отцу.

— И какая-нибудь польза от этого есть? — деловито осведомилась, уже приняв важное решение, от которого не собиралась отступать ни на шаг, даже если сам Танрод будет этим возмущен.

Так как давно и точно знаю: приходя в такие вот компании, нельзя вести себя подобно робкому и тихому ребенку. Иначе мгновенно найдутся желающие взять тебя под свою опеку, точнее — в приемные дети, и потом нельзя будет шагу ступить и слова сказать без одобрения покровителя.

— Очень немного, — почти смеялся жених. — Скорее повышенная требовательность к моим поступкам.

— Так и подозревала, — вздохнула я. — Тогда расскажи, что за фокус со столом.

— Он накрыт скатертью и уставлен сладостями, — бесцеремонно ввязался в наш разговор Вайрес, обогнул наши кресла, прошел к диванчику и сел напротив.

И только после этого замысловато дернул кистью руки, словно снимая с себя накидку.

— Добрый день, — с ехидцей приветствовал его мой учитель.

— Думаю, да, — продолжая нас изучать, кивнул Вайрес. — А фрукты и сладости сейчас принесут. Чего бы хотелось милой леди?

— Мороженого, — и не подумала я стесняться. — Но только настоящего. Неприятно кушать, глядя в зеркало.

— Могу представить, — задумался он и вежливо попросил появившуюся в одном из проемов полноватую женщину: — У нас нет мороженого, сделанного без магии?

— Или с магией, но приготовленного не менее десяти дней назад? — поправила я.

— Найду, — с интересом глянула на меня кухарка, или кто она тут у них, и исчезла.

— Не слишком ли расточительно они используют энергию? — оглянулась я на Танрода.

— Тут сильный источник, большая часть все равно уходит впустую, — пояснил он и счел нужным уточнить: — Поэтому слабые маги предпочитают жить здесь.

— Естественно, — сразу же сообразила я почему. — Тут все они кажутся самим себе мощными и сильными.

— Просто не хуже других, — поправил Вайрес.

— «Хуже» или «лучше» различаются у них только умением делать иллюзорные наряды? — снова не удалось смолчать мне.

— Я рад, что пришел сюда, — довольно ухмыльнулся старший магистр. — Вы оригинальная особа, леди Вельена. Кстати… позволите нам называть вас просто по имени и без церемоний?

— Разумеется. Но я не оригинальная, а сообразительная, так как смотрела на жизнь не из-за розовых занавесок. И не намерена притворяться глупышкой и трепетать перед всеми подряд только потому, что они получили способности прежде меня.

Вайрес насмешливо выгнул бровь, но спорить на эту тему не стал. Поинтересовался лишь, откуда я знаю, сколько дней должно быть мороженому, чтобы я сочла его настоящим.

— Танрод ставил на мне эксперименты, — спокойно сдала я жениха, ведь заниматься подобными изысканиями можно и месяц, и пару часов. — Но я хочу спросить, Род, почему я видела волны света в той звезде, в кабинете дознавателей?

— Что ты делала в том кабинете? — мгновенно сделал стойку старший магистр.

— Отвечала на вопросы молодого блондина, он пару минут назад был тут, пытался соблазнить меня голой грудью, — хладнокровно отомстила я вредному дознавателю. — А про звезду мне кто-нибудь объяснит?

— Да, — вздохнул Танрод. — Я объясню. Не нужно было тебя туда пускать, но всего не предусмотришь. В той звезде магии очень мало, только для того, чтобы крутить небольшой барабан, внутри которого крохотный светильник. Все остальное — простой фокус. Барабан крутится, а на поверхности отлитых из стекла граней движутся волны. Но преступников обычно очень впечатляет, и неодаренных тоже. Разумеется, когда нас там нет, все это не работает.

— И какая-нибудь горничная уже наверняка в курсе вашей тайны, — с досадой съязвила я, начиная догадываться, что непосвященных служанок туда просто не подпускают.

Осознать себя доверчивой и обманутой фокусом детской игрушки оказалось очень неприятно, хотя, нужно признать, сделано все было очень впечатляюще. Но ведь я и сама могла в тот момент догадаться, как глупо тратить на настоящий амулет такого размера накопители магии.

— Вельена, у меня предложение, пока никто не пришел, — заторопился вдруг Вайрес. — Идите ко мне в ученики. Поверьте, это большая честь для вас, многие хотели бы

получить подобное предложение.

— Нет, — тотчас отрезала я.

— Вы даже не подумали, — разочарованно качнул головой магистр, но я не собиралась слушать, как он будет доказывать, насколько лучше Танрода.

— Наоборот, отлично подумала, — не согласилась с его утверждением. — Причем даже не сейчас. И у меня есть для отказа несколько важных причин. Но все перечислять не стану, назову только одну. Танрод не заслуживает такой подлости.

— Хм… — не нашелся с ответом Вайрес, лишь покосился на моего учителя с каким-то странным выражением лица.

То ли изумление мелькнуло в его глазах, то ли губы дернулись как-то жалостливо, я не разобрала, но это мне не понравилось. И очень.

Больше ничего выяснить я уже не успела, вернулись маги, толпой, как и уходили, напомнив мне учениц младших классов женской гимназии, в которую я ходила почти три года, до смерти отца. И это навело меня на определенные выводы, которые я собиралась проверить, не откладывая в долгий ящик.

— Простите нас, леди Вельена, — алея ушами, начала магиня, сменившая свое эфемерное сиреневое платье на скромный розовый ситцевый сарафанчик. — Мы недопоняли сообщение магистра Танрода. Но обычно все, кому дано развеять иллюзию, прибегают к каким-то действиям и заклинаниям.

— И вы все нарочно надели иллюзорные наряды в ожидании проверки моих способностей, — продолжила я недосказанную ею мысль.

— Вы не так… — вспыхнула она и явно собиралась сказать нечто возмущенное, но заметила взгляд старшего магистра и смолкла, направляясь к своему дивану.

— Вельена согласна перейти с нами на дружеское обращение, — веско сообщил Вайрес, — и она не обижается на наше незнание тонкостей ее дара. Весьма редкого, должен заметить, и теперь многим из нас придется не забывать о последствиях беспечного использования своих способностей.

— Не волнуйтесь, — учтиво успокоила я задумчиво притихших магов, — я не собираюсь приходить сюда слишком часто. У меня в Тагервелле слишком много забот, и я даже не успела еще добраться до родового имения, которое мне вернули всего несколько дней назад.

— Но Вельена… — разволновалась та из магинь, которая выглядела постарше, — вы уже строите планы, хотя пока не знаете самого главного!

— Чего именно? — Мне удалось произнести небрежно и не показать своей тревоги, хотя я сразу заметила, как вмиг дрогнули и напряглись лежащие на соседнем подлокотнике пальцы Танрода.

— Гелия, можно я поясню? — мягко осведомился у нее Вайрес, и дама кивнула с явным облегчением. — Так получилось, что способности у мужчин просыпаются чаще, чем у женщин.

— Во сколько раз? — заинтересовалась я и увидела на лицах сидящей напротив компании довольные улыбки.

По-видимому, именно такого интереса от меня и ожидали.

— Почти в четыре раза, — вроде и спокойно сообщил магистр, а по залу словно холодный ветерок пронесся. — Поэтому у нас совершенно другие брачные законы, чем в империи, мы никогда не выбираем женихов нашим дочерям и не торопим их замуж. А два раза в год устраиваем турниры чести… особые, где важна не сила, а многие другие качества,

и все девушки могут рассмотреть женихов и выбрать себе тех, кто понравится.

— Сразу троих? — нахмурилась я, не веря своим ушам.

Магини ошарашенно распахнули глаза и рты, маги как-то подозрительно закашлялись. Вероятно, я снова угадала их мысли.

— Разумеется, нет, — возмутилась Гелия. — Только одного, самого достойного.

— А если этот победитель… не почувствует ответного влечения к избравшей его девушке и откажется стать женихом?

Не может же быть, чтобы магов заставляли жениться насильно? Тем более что у таких мужчин, как маркиз Кэрдон, и здесь, в Саркане, несомненно, нет отбоя от поклонниц. Не соглашаться же ему на союз с первой выбравшей его девушкой? Еще почти незнакомой и явно пока не любимой?

— Отказавший невесте отстраняется от турнира на три года, — сухо пояснил Вайрес, и у меня тут же появились новые подозрения.

Да почти уверенность. Значит, Танрод тоже оказался одним из тех, кто не пожелал быть избранным, и теперь не имеет никакого права на невесту. Что он там говорил про мои способности? Сначала их не было? Выходит, он выбрал меня еще раньше? Интересно, когда? Когда я поила его сонным зельем или когда обвиняла в самых низменных поступках? А может, позже, когда он нашел меня в той хижине? Нужно будет обязательно это выяснить, но, разумеется, не сейчас и не при этой толпе простодушных магов и магинь. Ведь только такие готовы безоговорочно выбирать себе спутника на всю жизнь среди победителей турнира, даже не заподозрив, что в поисках родственной души зачастую приходится пройти нелегкий путь надежд и разочарований.

— Дорогой, — задумчиво протянула я, положив наконец руку на сжимавшие обивку пальцы жениха, как хотела почти с момента появления Вайреса, — развей мои сомнения. С меня ведь не имеют права силой снять твое обручальное кольцо и заставить выбирать себе победителя?

— Ну конечно насильно никто снимать не будет! — всплеснула руками Гелия, пока не потерявшая надежды меня образумить. — Но ты должна понять — есть мужчины, которые хотят завести семью и готовы все сделать для любимой жены. А бывают беспокойные натуры, которым милее всего непростая работа, разъезды по империи, придворные интриги или погони за опасными преступниками. И тебе нужно серьезно обдумать и взвесить, выдержишь ли ты неизбежные трудности жизни с таким мужем, его длительные отлучки по своим делам и придирчивый характер. И это не просто слова, всему Саркану известно, что Танрод отказал выбиравшим его девушкам целых шесть раз!

Магиня полыхала праведным гневом, и я догадывалась почему. Трудно перенести такое унижение девушкам, уверенным в собственной неотразимости и ценности. И молодых дознавателей, сегодня утром смотревших на меня с сожалением и возмущением, я теперь тоже понимала. Это они, оказывается, за меня переживали, решив, будто скромная монашка, никому не понадобившаяся до двадцати пяти лет, просто от отчаяния бросилась на шею первому предложившему ей кольцо мужчине, не разобравшись в коварстве его уловки.

Но говорить об этом с магами пока рано, зато у меня возникла к ним целая куча вопросов. И первый нужно задать прямо сейчас, чтобы хоть чем-то отвлечь местных дам от волнующей их темы и получить возможность спокойно обдумать неожиданное известие.

— Не может быть, — протянула я, с сомнением глядя на магиню. — Тогда во сколько же лет его выбрали в первый раз?

— Гелия немного волнуется и объясняет тебе так, словно ты уже пожила с нами некоторое время и разбираешься в тонкостях турнирной системы, — терпеливо перехватил нить разговора Вайрес, и пальцы под моей ладонью, лежавшие до этого безжизненно, резко напряглись, — но нам она действительно кажется справедливой и удобной. В первый раз молодые люди приходят на турниры в двадцать два года. И если у них уже есть избранница, то маги участвуют в испытаниях с ее лентой на плече. А возлюбленные тех, кто попал в тридцатку лучших, имеют право первого слова.

— Но вдруг молодой человек проиграл, а невеста не желает ждать еще полгода? Или после отказов победителей осталось много отвергнутых девушек? Разве они не могут выбрать других мужчин? — проснулся во мне профессиональный интерес.

— Первое бывает, но очень редко, обычно все молодые люди весьма серьезно готовятся к испытаниям. Но иногда подобное происходит, и тогда мы собираем совет, выясняем, в чем отстал от соперников не ставший победителем избранник, и назначаем ему наставника. Ну а если видим серьезность их отношений, то разрешаем свадьбу. А девушке, отвергнутой одним женихом, обычно бросают свои букеты сразу трое или четверо женихов, и она выбирает из них мужчину по сердцу.

«Или назло отказавшему, а то и вовсе по расчету, — вздохнула я про себя. — Что поделать, так иногда поступают и простые имперские невесты. Особенно из числа бесприданниц, тех, кто по какой-то причине не вышел замуж в пятнадцать лет, и молоденьких вдовушек».

Но вслух спросила другое:

— А разве мужчинам Саркана запрещено искать невест в Тагервелле или других городах?

— Нет, никаких подобных запретов у нас нет, — печально глянул на меня магистр. — Но ведь далеко не каждый готов уйти из родных мест и искать девушку среди тех, кому будут чужды интересы жителей Саркана. Да и непросто молодым магам найти общий язык с девушками без способностей.

— Это я заметила, — согласилась я и насмешливо уставилась на Вайреса. — Как и ловкость, с какой ты увильнул от рассказа о возрасте моего жениха.

— Мне думалось, он и сам смог бы указать на ошибку, закравшуюся в твои подсчеты, — прикинулся простаком старший маг, делано вздохнул и пояснил: — Видишь ли, каждый раз, выйдя в победители, Танрод отказывал вовсе не одной невесте. На первом турнире его выбрали три девушки, потом — две. Затем он несколько лет отказывался от турнира, так как жил в Тагервелле и был очень занят. Три года назад он снова победил, но подать ленту осмелилась лишь одна-единственная невеста, однако он отказал и ей. Теперь у него снова есть право выйти на осенний турнир, но это было бы несколько… неосмотрительно.

Я прекрасно поняла недосказанное — мне намекают, что я слишком поторопилась, взяв кольцо Танрода, ведь чтобы стать моим женихом по закону Саркана, лорду дознавателю необходимо победить в этих самых состязаниях. А мне — хорошенько рассмотреть всех остальных победителей турнира и сделать осознанный и спокойный выбор.

Однако огорчаться и не подумала. И тем более не собираюсь отпускать Танрода на какие-либо турниры. Он теперь мой, хотя пока только учитель и фиктивный жених. По крайней мере, до тех пор, пока я не захочу с ним расстаться или не почувствую, что больше не могу и не хочу без него ни жить, ни дышать.

Вот только скромно хлопать глазами в ответ на подобные предостережения вовсе не

намерена, нельзя мне сейчас смолчать, если не желаю заполучить толпу очень настырных ухажеров. Им лучше сказать все прямо в лицо, намеков они предпочтут не услышать.

— Действительно, как просто, — счастливо улыбнулась я Вайресу и перевела просветленный взгляд на притихших магов. — И я вижу в этом волю моей покровительницы, Дебруинской Святой Матери. Она уберегла Танрода, не позволив выбрать девушку, с которой он никогда не был бы счастлив. И вела тропой одиночества, пока наши пути не встретились.

С самым серьезным видом сложила руки на груди и целую минуту, подняв взгляд к потолку, истово шептала слова благодарственной молитвы.

— Милая, — с чувством проговорил Танрод, когда молитва закончилась, решительно взял мою руку и нежно поцеловал, — ты просто читаешь в моем сердце. Именно это я сейчас и чувствую. А теперь позволь до вечера оставить тебя на попечение Вайреса, мне пора идти, обед у архивариуса всего один час.

Еще раз горячо поцеловал мои пальцы и исчез, не вставая с кресла. Старший магистр мгновенно устроился на его месте и махнул рукой, подзывая плывущий по воздуху столик с пирамидой из сотни разноцветных шариков мороженого.

Глава 3

Вырваться из Саркана мне удалось лишь через полтора часа, и ради этого пришлось втихомолку намекнуть Вайресу, что я пока плохо контролирую свой защитный дар, а с утра перенесла довольно серьезное потрясение. Из-за чего могу вспылить в любой момент, поэтому мне сейчас лучше не город осматривать, а вернуться домой и хорошенько отдохнуть.

— Ты живешь в доме Рода? — глянул он испытующе, и я укоризненно улыбнулась в ответ:

— В комнате номер два. Но идти нужно в кабинет.

— Знаю, — сообщил он с легкой ехидцей, объявил публике, что я устала, поэтому ухожу отдыхать.

И открыл путь.

Не такой молниеносный и неощутимый, какой получался у Танрода, и это заставило меня понимающе фыркнуть. Местные невесты явно разбирались, кого нужно хватать на турнирах, потому и не обращали внимания ни на неудобную работу моего учителя, ни на его привередливый характер.

— Спасибо, Рес. — Оказывается, лорд архивариус вовсе не подшивал в папки секретные документы и не стирал пыль с сундуков и сейфов, а спокойно сидел в своем кресле, и я немедленно направилась к нему:

— Угадай, что мне хочется сейчас сделать?

— Поцеловать дарованного тебе Святой Матерью жениха? — веселился он, а в серых глазах плыла осенняя горечь застарелой боли.

— Чуть позже. — За полтора часа я успела понять, что он вполне мог и не водить меня в Саркан, но хотел снять со своей шеи тяжесть решения, которое положено делать двоим, а он принял в одиночку. — Сначала испытаю на тебе новый щит, который придумала за время нашей разлуки.

— Давай поменяем эти действия местами? — с надеждой произнес Танрод, и внезапно мне стало так легко, как не было с того момента, как уехала Луизьена.

Или еще дольше?

А он уже стоял рядом, притягивая меня к себе пока осторожно, и оставалось лишь улыбнуться в ответ и постараться не покраснеть. Все-таки целоваться при свидетелях мне пока не приходилось.

В какой момент исчез Вайрес, я так и не поняла, да и не до него вдруг стало. Неожиданно в мире нашлось место, где мне было так же спокойно и тепло, как в надежном коконе родительской любви и защиты, окружавшем меня когда-то очень давно. В те тихие, уютные вечера, когда я сидела у камина между родителями, и отец негромко читал мне на ночь добрую сказку.

— Вели… — шепнул в ухо внезапно ставший родным голос, — ты не против перенести нашу свадьбу?

— На осенний турнир я тебя не пущу, — вмиг вспомнилась мне толпа стройных остроумных красавцев всех мастей, постепенно набившаяся в зал встреч.

Не дай боги Танроду не удастся оказаться в числе победителей!

— А разве тебе нужен турнир? — тихо засмеялся он. — Ты теперь и так знаешь все мои секреты.

— Не нужен, — согласилась я и тотчас вспомнила про свои тайны. — Но у меня тоже найдется чем тебя удивить. И не забудь, что я великодушно простила тебе все интриги. Отпусти меня на пять минут.

— Не хочется, — шепнул маг и коварно предложил сделку: — Пока не согласишься ускорить свадебный ритуал.

— А разве я еще не согласилось? — лукаво изумилась я и делано запечалилась. — Хотя твое предложение весьма подозрительно. Обычно как раз женихи стараются погулять подольше.

— Я похож на такого вертопраха? — неподдельно возмутился Род и нехотя разжал руки. — Ладно, давай свои тайны. Но смотри, ровно пять минут.

Мне и самой не хотелось от него уходить, да обязательность, одно из главных качеств моего характера, толкала в спину упорнее надзирателя.

Пришлось вставать с кресла, где я удобно сидела на коленях жениха, оправлять растрепавшиеся волосы и все быстрее брести на второй этаж. Даже с моим опытом преображения в Эвелину Бенро пять минут — это очень мало.

Но захочешь — успеешь, тем более что мне не нужно было причесываться, челка и локоны мелко завитого парика жемчужно-белого цвета надежно скрыли лоб и виски. Побольше белой пудры на лицо, особой светлой туши на ресницы и брови, бледно-голубые тени вокруг глаз и сиреневая помада.

Накинула свободное, почти бесформенное платье с высоким воротом, зато в ярких, алых и желтых маках, так любимых невзрачной Эвелиной. За способность прекрасно отвлекать на себя внимание клиентов, желавших рассмотреть ответы на свои вопросы в глазах советчицы.

Каплю духов на парик, мятный леденец в рот — и вперед, навстречу судьбе.

Танроду уже надоело сидеть в кабинете, и он ожидал меня в распахнутых дверях столовой. Но заметил не сразу, Эвелина Бенро носила туфли на мягкой подошве и умела ходить бесшумно.

— Добрый день, милорд, — пролепетала я притворно сладеньким, кошачьим голоском. — Позвольте представиться…

И смолкла, рассмотрев потрясенный взгляд расширившихся глаз лорда дознавателя.

Сделала в полном молчании еще несколько шагов, остановилась и, чувствуя, как холодеют пальцы, неуверенно осведомилась:

— Мы знакомы, милорд?

— Кто же в Тагервелле не знает Эвелину Бенро? — с иронией усмехнулся Танрод, и мне стало совсем холодно и пусто. Словно летний день мгновенно превратился в дождливый вечер поздней осени.

Я опустилась на ступеньку, обняв плечи руками, чтобы унять внезапно напавшую дрожь, и тихо пробормотала:

— Десять лет назад, убежав среди ночи из дома, я пришла за советом к Луизьене Бенро. Она спрятала меня и вскоре признала племянницей. Потом попросила матушку Мелисанту, и меня записали в воспитанницы дебруинского монастыря Святой Матери. Почти десять лет я жила двойной жизнью… по большим и малым праздникам — в монастыре, в остальное время — в салоне. Работала и копила деньги на свой дом и была почти довольна жизнью, оставалось собрать совсем немного. Но появился он… герцог Бетдино, откуда-то прознал про тайные визиты Онгильены и потребовал помощи. Пришлось бежать…

Дальше говорить я не могла, слезы катились по лицу все сильнее, смывая пудру и капая

на несчастные маки грязным дождем. Да и о чем еще я могла бы рассказать, если он и сам все видел?

— Вели… — Танрод осторожно сел рядом, крепко прижал меня к себе и вытер платком щеки, — но неужели за столько лет никто не заподозрил?

— Луизьена гениальна, — с невольной гордостью всхлипнула я. — Она хорошо разбирается в людях и помогает только хорошим. И все они потом помогают ей. Первый раз меня красила женщина, которая всю жизнь проработала гримером в императорском театре. Ее уже нет… но пудру и помаду я покупаю только ту, которую рекомендовала она.

— Тогда я понимаю, почему ни разу не поймал ни Луизьену, ни тебя, — невесело признался Танрод. — Оказывается, против меня была шайка профессиональных мошенников.

— Ты можешь посадить меня в тюрьму или сдать суду магистров, — тотчас напряглась я, — но не смей называть нас жуликами. Да, мы хитрили там, где нельзя было ничего сделать законным путем, но никогда не помогали подлецам и бандитам!

— Тсс… прости, я так шучу от потрясения. — Танрод встал и уверенно поднял меня на руки. — Идем, ты сейчас умоешься, а я сожгу этот парик и платье в знаменитых маках. Кстати, ты знаешь, что твоя преемница носит точно такое?

— Род… — не удержалась я, погладила его по щеке, — не нужно ничего жечь. Лучше хорошо спрятать до тех пор, пока Гили не освободится от проклятой помолвки. Ты же еще не придумал, как ей помочь?

— Пока — нет, но вот теперь, кажется, начал появляться план… — задумался маг, опустил меня на пол моей собственной комнаты и нежно скомандовал: — Иди, Эвелина должна исчезнуть. Мне не хочется чувствовать себя нарушителем имперских законов.

«Это он, разумеется, шутил, — рассуждала я, торопливо смывая всего несколько минут назад созданную личину. — Хотя доля правды есть в любой шутке. Ведь некоторые из наказанных нами подлецов имели наглость жаловаться, обнаружив пропажу украденного, которое уже считали своим. Но насчет свадьбы говорил серьезно, и в этом я с ним полностью согласна. Ведь не важно, каким путем приходит к человеку понимание, что его затерявшаяся половинка наконец-то нашлась. Иногда медленно и трудно, преодолевая сомнения и препятствия, а бывает, свалится на голову лавиной, одним махом снося все прежние намерения и планы. Главное, оно уже пришло, и нужно вцепляться в него всем, чем можешь, и держать, не отпуская. Удача ведь такая ненадежная и пугливая штука».

Поэтому, наскоро причесав волосы и накинув прихваченное впопыхах платье, я поспешила туда, где ждало только что обретенное мной счастье. По пути обдумывая способы устройства немедленных свадеб и мысленно перебирая известных мне людей, которые могут помочь в решении таких задач.

Танрод сидел у окна за столом и что-то быстро писал на маленьких листочках для магической почты, и я не стала заглядывать в его секреты. Просто присела рядом на стул, прислонила голову к его плечу и закрыла глаза, наслаждаясь собственной смелостью и безнаказанностью такого простого, но откровенного жеста.

— Вели, — мгновенно обернулся маг, обхватил меня за плечи и тихо выдохнул: — Никогда бы не поверил. Ведь совершенно не похожи! И волосы… ведь были свои, а не парик.

— Краска, — пояснила я, не открывая глаз. — И зелье, от которого волосы вились. Знаешь, мне самой пока не верится в то, о чем я хочу сказать, но это чистая правда. Впрочем, ты же знаешь. Еще в обед я собиралась присмотреться к тебе за эти три месяца и потом уже

сделать выбор. Но эти наивные магини, так обиженные твоим отказом, что-то сдвинули в моей душе. Как ширму… и теперь я больше не собираюсь ни думать, ни ждать. Свадьба будет сегодня, и лучше, если мы еще некоторое время сохраним это в тайне. Поэтому у меня есть вопрос — ты согласен?

— Вели… — На несколько минут мой лорд позабыл про умение говорить, зато мне стало предельно ясно: он думает так же, как я, и тоже не хочет больше пить горькое вино одиночества. — Конечно же, разве ты еще сомневаешься? Но позабочусь обо всем сам. Ты пока отдохни.

— Приговор принимаю. Но требую последнее слово и последнее желание — свидание с родственниками. Самыми близкими, — вовремя вспомнила я правила имперского суда.

— Позволено, — помолчав, принял решение Танрод и испытующе заглянул мне в глаза: — Так о чем ты хотела рассказать суду? И кто именно твои родственники?

— Я хотела напомнить, что ты выбрал не магиню и не монашку. За десять лет я стала больше Эвелиной, чем Вельеной, и не намерена терять эту свою половину. Не из-за собственных прихотей или капризов. Просто у Эвелины много преданных друзей среди самых честных и благородных жителей Тагервелла и империи, и им ее исчезновение доставит настоящую боль. Ну а самые близкие родственники у меня — матушка Мелисанта и мадам Луизьена Бенро.

— Но она же… — Магистр неверяще смотрел на меня, не зная, правильно ли понял последние слова. — Разве она жива?

— И здорова. И счастлива. Луизьена нашла мужчину своей мечты, — с улыбкой подтвердила я, — и было бы величайшей неблагодарностью выйти замуж втайне от нее. Тем более что Луизьена умеет хранить тайны не хуже гномьего банка.

— В этом я не сомневаюсь, — усмехнулся Танрод. — И где она живет?

— Не знаю. Сейчас напишу и спрошу. Но ответ будет не сразу, письмо к ней идет не напрямую.

— Целая шпионская сеть, — озадаченно покрутил головой мой избранник, задумчиво глядя, как я пишу всего несколько слов и вкладываю листок в золотую шкатулку.

— И не все письма пойдут через магическую почту, — угадала я ход его мыслей. — Некоторые передадут на словах или с оказией. Слишком много людей хотело бы ее найти, не все поверили легенде о перевернувшейся лодке.

— Я тоже не сразу поверил, — признался маг, с неохотой возвращая меня на мой стул. — Но два года ни слуху ни духу. Да и ты исправно носила траур. И во владение салоном вступила без сомнений.

— Я выкупила его у тетушки, она тоже не накопила на этом ремесле золотых гор. Да и помогала не только мне. Почти каждый месяц определяла к хорошим людям то сирот, то обманутых белошвеек, — вздохнула я и снова устроила голову у него на плече, ведь писать ему это не мешает?

— А потом?

— Пришлось срочно продавать салон и приобретать Глоэн. Вот сейчас даже вспомнить страшно, что я могла бы его не купить, а ведь почти уже выбрала заброшенный постоялый двор в Западном предгорье.

— Серьезно?

— Куда уж.

Танрод снова бросил стило и вцепился в меня так крепко, что дыхание перехватило.

— Это действительно страшно, Вели, — опомнился Род, лишь когда я начала задыхаться от жарких поцелуев, — хотя мне хватило и того раза, когда ты сбежала. С тех пор я знал, что никогда не отпущу… но ты имеешь дар все перевернуть вверх ногами.

— Просто ты никогда не умел отчетливо объяснять свои действия, — вздохнула я. — И вообще выглядел очень подозрительно.

— А Кэрдон, наоборот, до сих пор не доверяет тебе.

— Он больше ревнует, — засмеялась я. — Не может сообразить, что Гили мне младшая сестра по несчастью. Ведь ее тоже собрались продать ненавистному мужчине.

В моей шкатулочке раздался сигнальный звон, и я поспешила ее открыть, Луизьена вполне могла ради осторожности использовать выцветающие чернила.

— Ну что там? — сдерживая любопытство, отстранился Танрод, давая мне прочесть, но я подвинулась ближе.

Какие уж тут тайны?

«У Жанетт через час», — было написано там, и понять это, кроме меня, могли только два человека.

— Далеко это?

— Часовня Святой Матери на набережной, — пояснила я. — Но мне придется переодеться.

— А мне?

— Тебя я проведу, но лучше бы в личине какого-нибудь старичка или старушки.

— Тогда пойдем из дома Кэрдона, оттуда всего сотня шагов, — решил Танрод и нехотя отодвинул меня от себя: — Иди переодевайся.

И когда я уже поднималась по лестнице, вдруг тихо и напряженно спросил:

— Вели, а до Саркана я тебе нравился?

На несколько мгновений мир вокруг замер и сузился до разделявших нас нескольких шагов. Вспыхнула возмущением воспитанная монахинями леди Вельена, точно знавшая, как неприлично целомудренным девушкам признаваться в симпатии мужчинам, пока те не станут законными мужьями. И замерла в тревоге шпионка Эвелина Бенро, выслушавшая сотни историй о том, как в одночасье от недопонимания, недоговоренности и простой девичьей стеснительности рушились замки светлой любви и мосты счастья.

— С той самой минуты, как вышел на крыльцо моего дома босой и в расстегнутой рубахе, — еле слышно пробормотала победившая Эвелина, заливаясь непривычно жарким румянцем.

Грохнул упавший стул, и в тот же миг Танрод возник почти рядом, на соседней ступеньке. Потянул меня к себе, заглянул в лицо — и мы снова на несколько минут позабыли обо всем на свете.

— Вели… — наконец прошептал он, опомнившись первым, — тебе же нужно платье…

— Успеем, — отмахнулась я. — Ведь праздновать будем не сегодня?

— Посмотрим, — загадочно произнес Танрод и огорченно вздохнул: — Я должен написать еще несколько писем. Ты долго будешь переодеваться?

— Минут пять, — честно сообщила я.

— Так быстро писать я не умею, — неохотно отстранился он, и мне пришла в голову отличная мысль.

— А я посижу около тебя.

— Вели… — Мужские руки снова сомкнулись на моей талии, и лорд насмешливо

выдохнул на ухо: — Это замечательная идея, но писать рядом с тобой мне не так-то легко.

— Теперь я понимаю, на что намекала сестра Гелия, — «опечалилась» я, и жених начал тихо смеяться. — Ладно, ты меня уговорил, буду одеваться десять минут… или поиграю с Кышем. Все, иди, Луизьена любит точность.

И решительно ушла… но не с первого раза. Похоже, Танроду понравилось, что у нас есть в запасе целый час.

Как выяснилось вскоре, десяти минут даже маловато, чтобы запудрить горящие румянцем щеки, замазать бледной помадой припухшие губы и согнать с лица блаженное выражение.

Зато потом я была вознаграждена потрясенным лицом Танрода, неожиданно для себя обнаружившего сидящую в уголке столовой монашенку со скромно опущенным взором и сложенными на коленях руками, перебирающими дешевые четки.

Сдержать невольно скользнувшую на губы улыбку я не сумела, и заметивший это лорд дознаватель тотчас двинулся ко мне.

— Вельена…

— Нам пора идти, — предупреждающе выставила перед собой ладони. — Ты еще должен превратиться в старичка.

Род послушно кивнул, но в портал внес меня на руках, и хотя раньше мне всегда казалось слишком показным и откровенным подобное поведение влюбленных парочек, теперь я почему-то ничего не имела против.

Глава 4

Особняк оказался небольшим и стоял в глубине сада, огражденного стеной и густым рядком кленов. И это было очень удобно, никто не заметил, как мы оказались на одной из веранд.

— В дом не пойдем, там все равно никого нет. Кэрдон держит его для друзей и случаев, когда нужно переночевать в столице так, чтобы никто не узнал, — пояснял маг, поглядывая в маленькое зеркало, а потом предложил его мне: — Не хочешь взглянуть, с кем идешь рядом?

— Я отлично знаю, с кем иду и куда, — отказалась я, не проявив к иллюзии никакого интереса. — И мне все равно, кого там видят остальные.

Говорить жениху, что там, куда мы попадем, исчезают все иллюзии, я пока не собиралась. Это не моя тайна, но маги должны о ней знать, иначе Луиза никогда не позвала бы нас туда.

Спорить Танрод не стал, он теперь вообще больше не спорил и не командовал, и когда думал, что я его не вижу, смотрел на меня, как на диковинку. И это смущало и льстило.

Мы вышли из боковой незаметной калиточки и неторопливо направились в сторону часовни — самого старинного здания города. Еще не было ни набережной, ни Тагервелла, а она уже стояла здесь, врезанная в прибрежную скалу. И служила вовсе не часовней, а то ли сторожевой башней, то ли небольшим древним храмом, точно не известно никому, кроме гоблинов, как я теперь начинаю подозревать.

На ее плоскую крышу, обнесенную каменным бортиком, вела наружная винтовая лестница, и любители посмотреть вдаль иногда собирались там целыми компаниями, служительницы этого не запрещали. Часовню Святой Матери открыли в башне после того, как мать моряка больше десяти дней простояла наверху в шторм, ожидая возвращения сына. Он так и не вернулся, а когда ураган закончился и над побережьем встало солнце, жители нашли на башне бездыханное тело матери, не пережившей гибели сына.

Но мы вошли в небольшую дверку у подножия, и к нам тотчас направилась служительница в синем платье и белой накидке.

— В пятнадцатую, — очень тихо шепнула я, заметив краем глаза, как изумленно приподнялась бровь моего учителя.

Все знали, что келий, в которых можно попросить о чем-нибудь Святую Мать и поблагодарить ее за помощь, ровно четырнадцать, как и служительниц, постоянно присматривающих за порядком в часовне. И лишь нескольким избранным было ведомо, что, кроме известных всем хранительниц, тут есть еще одна, тайная.

Девушка в белой накидке молча вела нас мимо узких, но крепких дверей — часовня свято хранила тайны своих служителей, — пока не дошла до крохотной дверки в ведущий к комнаткам жриц коридорчик.

— Вам туда.

— Знаю, — едва слышно шепнула я, незаметно вкладывая в ее руку платочек с монетами, и потянула спутника внутрь.

Танрод шел внешне невозмутимо, но как-то подобрался, мгновенно став похожим на Кыша, завидевшего зайца или рыбину. Походка из расслабленной стала осторожной и пружинистой, ноги ступали мягко, как по льду, а руки напряглись, словно перед схваткой.

— Тут безопасно, — успокаивающе погладила я его пальцы, ведя к маленькому

чуланчику с вениками и швабрами, и не удержалась, спросила: — Неужели ты ни разу тут не был?

Из чуланчика потайная дверца вела к прорубленному в скале тоннелю под набережной в сторону скал, и здесь изредка сияли магические шары. Меня заинтересовала странная перемена, теперь я не видела их так же отчетливо, как раньше, зато могла рассмотреть вкрученные в стены крепления и чаши толстого стекла.

Комнатка, куда мы шли, открылась за поворотом, как полянка в лесу, и была такой же светлой, уютной и зеленой. Вдоль стен под яркими светильниками стояли чаши и корыта с землей, из которых тянулись лианы цветов, лимонника, плюща и даже огурцов. Здесь отлично росло все, что ни посади, и исцелялись многие болезни, но жрицы решались сюда приводить далеко не всех.

Выбор достойных был правом Жанетт. Впрочем, это имя знали только мы с Луизьеной и матушка Мелисанта. Когда-то, еще лет семь назад, в наши «Женские тайны» пришла довольно молодая женщина с погасшим взглядом брошенной собаки и скорбно поджатыми губами. Ее история была проста и страшна безысходностью. За двадцать три года до этого дня юную семнадцатилетнюю Жанетт выдали замуж за довольно состоятельного немолодого вдовца, растившего четырехлетнего сына. Юная мачеха с первых дней прониклась жалостью и любовью к худенькому, болезненному мальчику и всю свою искреннюю любовь и доброту щедрой души отдала именно ему.

Уже через год ребенок изменился неузнаваемо, окреп, стал бойким, веселым и любознательным. Мальчик обожал свою матушку, как он называл Жанетт, и не желал расставаться с ней ни на прогулках, ни на занятиях. Да она и стала для него самой преданной матерью и первой учительницей, с терпением и нежностью исправляя криво написанные буквы и неправильно произнесенные слова. А потом скончался ее муж, оставив все состояние сыну, но это не опечалило мачеху. Она и подумать не могла, что когда-нибудь ее цветочек откажет ей в куске хлеба. И все же это время наступило — через год после того, как пасынок привел в дом невестку. Сначала юная хозяйка присматривалась к Жанетт, а как только поняла, что та никогда не посмеет жаловаться сыну на его любимую женщину, объявила мачехе мужа тихую войну.

Отдавала слугам собственные, совершенно безалаберные указания и жаловалась в спальне, что ее никто не признает, убегала в слезах из-за стола, якобы из-за еды, которую готовят ей назло, выбрасывала принесенные служанками цветы, если их срезала Жанетт, объясняя странным мерзким запахом.

Жанетт попыталась поговорить с сыном, но ставший мужем мальчик попросил не обижать его жену. И мачеха постепенно перестала вмешиваться в хозяйственные дела, почти не выходила из своих комнат, но невестка каждый собственный промах и каждую неприятность, случившуюся из-за ее приказов, непременно сваливала на несчастную женщину. И настал день, когда Жанетт, встретив в столовой человека, ради которого жила и дышала более двадцати лет, рассмотрела в его взгляде жгучую неприязнь. Вот тогда она и поняла бесполезность любых слов и доказательств. Ее просто никто не захочет слушать.

Ночью она собрала свои вещи и рано утром попросила конюха увезти ее к старинной подруге, а через два дня оказалась в нашем салоне.

Разумеется, помочь людям добиться справедливости можно далеко не в любой ситуации, но мы очень хотели попытаться. Однако ни один из предложенных нами способов Жанетт не устраивал. И вскоре мы убедились, что она желает невозможного. Вернуть

прошлые отношения с пасынком и получить уважение невестки, не проучив их прежде за жестокость и бездушие, не показав, как подл и гибелен путь, по которому они пошли.

Однако и бросить ее без помощи мы тоже не могли и отправили в Дебруин, к матушке Мелисанте. Вот там и выяснилось, что доброта Жанетт — не просто качество души, а еще и дар, хоть и слабый, но усиливающий бьющие на территории Дебруина целебные ключи. А вскоре ее перевезли в Тагервелл. У Жанетт была одна, но неизлечимая слабость: раз в декаду нанимать карету и, остановив неподалеку от дома, где она прожила столько лет, ждать, не появится ли в воротах или на балконе предавший ее сын.

— Вели! — С одной из широких скамеек, окружавших властвовавший посреди пещеры округлый бассейн с целебной водой, порывисто, как девчонка, поднялась черноволосая женщина с прикрывающими лоб и виски мелкими локонами, бросилась ко мне, крепко обняла. — Жива, здорова… а мне написали, будто вас коршун увез.

— Интересно, — ехидно буркнул Танрод.

— Это мой жених и учитель, Танрод Ледхар, — успокоила я Луизьену.

— Сначала я подумала — только учитель, — лукаво заметила она. — А теперь смотрю — минут через пять и в женихи подойдет.

— Ему нельзя было ходить по городу без личины, — пришлось мне выдать Танроду тайну пещеры.

— Я очень рад с вами познакомиться, — учтиво поклонился Луизьене лорд дознаватель и, усадив меня на скамью, решительно устроился рядом. — А о свойстве здешнего источника развеивать наведенные личины и мороки я слышал в Саркане, но не предполагал, что такие секреты известны посетителям часовни.

— Только троим, — появилась из-за ниспадающих с потолка плетей Жанетт. — Исключая магов.

— Значит, вы маг, — изрекла уже очевидную истину Луизьена с незаметным всем, кроме меня, огорчением.

— Нам нужно серьезно поговорить. — Мне очень не хотелось расстраивать тетушку.

— Не буду мешать, — двинулась к выходу Жанетт, но Танрод ее остановил.

— Это мы не будем мешать, сестра Ильсия, — встал он с места, — в вашем благородном деле. У меня есть ключ от дальней двери, мы посидим там.

— Как пожелаете, — склонила голову Жанетт, и в самом деле получившая в монастыре имя Ильсия. — Но сначала выпейте водички, я Вели здоровья пожелаю.

— Спасибо, — приняла я серебряный стакан, отпила половину и передала жениху: — Пей.

Он выпил медленно, с чувством, аккуратно поставил посудину на скамью вверх дном и положил рядом свой кошель. Потом ухватил меня за руку и повел к зарослям плюща, за которыми скрывалась старинная дверь, не поддающаяся никому из жриц.

Луизьена шла следом за мной как-то слишком покорно, и пришлось, извернувшись, ухватить ее за руку. Идти стало неудобно, но я отлично знала, какие мысли сейчас терзают мою тетушку. Сама недавно была уверена, что попала в западню.

— Вели, — что-то почувствовав, обернулся маг, окинул нас пристальным взором и, резко остановившись, шагнул почти вплотную. — Луизьена, я даю вам честное слово магистра Сарканской цитадели, что не намерен ни словом, ни делом обидеть вас или причинить какое-то зло. Наоборот… за то, что когда-то вы не оставили Вельену без помощи, готов выполнить любые ваши пожелания, и в моем доме вас всегда ждут почет и уважение.

— Спасибо, — с искренним облегчением вздохнула тетушка. — А то Генри такой сумасшедший, обязательно помчится жаловаться императору.

— Кто такой Генри? — нахмурился Род.

— Мой муж, — скромно сообщила она. — Герцог Генрих Дирзо.

Полное имя воинственного и прямолинейного супруга Луизьены я знала, а вот о том, что он герцог, услыхала впервые. Но не удивилась, ведь это было не лукавство тетушки, а военная хитрость Дирзо. Два с половиной года назад, впервые придя в наш салон, он вообще назвался простым солдатом Генри.

По заведенному Луизьеной обычаю все мужчины считались ее клиентами, я занималась только женщинами. И поэтому в тот день увидела его мельком, зато позже опознавала с первого мгновения, услыхав сочный, раскатистый бас или заметив блеснувший из-под низко опущенного капюшона плаща въедливый взгляд черных глаз.

— Известная личность, — отворачиваясь, едко усмехнулся лорд дознаватель, но руку мою сжал еще крепче, словно безмолвно предупреждая, что наши отношения мужа Луизьены не касаются ни с какой стороны.

Некоторое время мы шли прямо, потом свернули и оказались перед ведущими наверх вырубленными в скале ступенями. Очень аккуратно вырубленными, словно вырезанными в масле горячим ножом. И весьма пыльными, но Танрод не позволил мне собирать грязь подолом монашеского платья. Что-то пробормотал, по потайному ходу пронесся прохладный ветерок, и запахло свежестью, как после дождя.

— Какой полезный жених, — тихо отметила Луизьена.

— Это, миледи, еще не все мои достоинства, — учтиво отозвался маг, пропуская нас в круглую искусственную пещеру, освещенную парой магических фонарей.

В центре стоял старинный каменный стол, вокруг — несколько плетеных кресел, явно попавших сюда не так давно. В дальнем углу виднелась крепкая на вид дверца, и Танрод, усадив нас, прошел к ней, поколдовал и вернулся. Подвинув свое кресло вплотную, уселся и бесцеремонно захватил мою руку.

— Тетушка, — поглядев на его довольную ухмылку, приступила я к главному, — мы уже помолвлены, но…

— Не хотите тянуть со свадьбой, — легко угадала Луизьена. — И когда же свершится это знаменательное событие?

Она по обыкновению подтрунивала, но смотрела одобряюще, и я, как будто ныряя в омут, сообщила:

— Сегодня. Но тайно.

— Тогда мне нужно написать пару писем, — вмиг посерьезнела Луизьена и потянулась к сумочке.

— Я сам обо всем позабочусь, — категорично отказался Танрод. — Мы только хотели знать, желаете ли вы присутствовать на ритуале в качестве свидетелей? Если да, то могу привести и вашего мужа, он человек слова. А еще Вели хочет пригласить монахиню Мелисанту.

— Но она в монастыре… — заикнулась Луиза, с внезапным уважением оглядела моего жениха и кивнула: — Я могу ей написать. Она выйдет за ворота, там есть беседки.

— Знаю, — кивнул Танрод. — Так кого еще нужно взять?

— Род, — заволновалась я, догадавшись, что он подразумевает под словом «взять», — это же большой расход.

— Если бы я знал тебя меньше, то оскорбился бы, — сообщил он и тут же, склонившись к моей руке, бережно коснулся губами пальцев.

— Я написала Мелисанте, через десять минут можем идти, а Генри сегодня с друзьями на охоте, его лучше не трогать, — отправив письма, деловито доложила Луизьена. Помолчала и, опасливо покосившись на меня, вдруг сообщила, не глядя на Танрода: — Оскорбиться поведением Вельены может только тот, кто совершенно не разбирается в людях или одержим злыми намерениями. Она никогда не лжет и никогда не сделает ничего плохого, если на нее не нападут первыми.

— Я знаю это, теперь знаю. — Танрод снова поцеловал мне руку. — Вели, я отправлю тебя к Кэру, он должен достать платье. Жениться на монашках не позволено даже магам Саркана. Он и отведет тебя в храм, если ты не против.

— Лишь бы он не был против, — хмуро пошутила я. — Иначе придется тебе искать меня по всем окрестным горам и островкам.

— Не волнуйся, я дам ему строгий наказ, да и не такой уж он упрямый.

— Если вы говорите о маркизе Сангирте, — снова с лету угадала Луизьена, — то это крепкий орешек. И я предпочла бы быть рядом с Вели.

— Ему двоих не увести, — задумался Танрод. — К тому же это пустые страхи. Просто раньше Вели с ним не ладила, а теперь все будет иначе.

— Не поэтому, — вздохнула я. — Он очень беспокоится о Гили и боится предательства.

— Тогда нужно сказать ему правду, — намекнула Луизьена. — Судя по случившемуся сегодня утром, волнуется он не зря. Рядом с Гили наверняка есть предатели.

— Она уже уволила всех служанок, — сообщила я тетушке, хотя не думала, будто открываю ей нечто секретное, и оказалась права.

— Это мне известно, — кивнула Луизьена и лукаво усмехнулась. — Пострадала даже Бенни, которую устроила туда я. Но не предупредила ее высочество, чтобы она случайно не выделила девушку среди других, и теперь не знаю, как вернуть служанку назад.

— Я уже говорил, что вы действовали, как шайка шпионов, — буркнул Танрод. — Но раз ручаетесь за эту Бенни, то я ее верну.

— С каких пор лорд архивариус решает такие проблемы? — мгновенно поймала его оговорку Луизьена, но Танрод улыбнулся ей с самым любезным видом:

— Мне кажется, нет ничего удивительного, если один из магов, служащих императору, помогает своему собрату советом. Гораздо поразительнее, что тайны, которые мы постарались скрыть даже от людей, ехавших в том отряде, через несколько часов стали известны в герцогстве Дирзо.

— Но мы уже почти декаду живем в Тагервелле, — призналась Луизьена. — Выехали сразу же, как я получила от Вельены письмо.

— Но в нем не было ничего тревожного… — Танрод говорил все медленнее, потом с досадой хмыкнул: — Ну конечно, условное слово. Вели тогда все понимала неправильно.

Он, забывшись, притянул меня за руку поближе, заглянул в глаза, взглядом прося прощения.

А потом резко встал, подошел к одной из стен и повернул крючок для одежды. Рядом немедленно распахнулась узкая створка потайного окна, и в комнату плеснулся прогретый солнцем воздух, принося запах моря, полыни и рыбы.

— Вели, пора. — Танрод взмахнул рукой, чуть подтолкнул меня, и я оказалась на той же веранде, где недавно стояла с ним.

Но теперь совершенно одна. На душе сразу стало как-то пусто, да и день клонился к вечеру, солнце почти скрылось в холмах за городом, тени от домов стали расплывчатыми и нескончаемо длинными. Горожане не любили вечерами гулять по этой, погруженной в тень набережной, предпочитая уходить по выложенным песчаником дорожкам восточнее, к холму, на котором высились императорский дворец, особняки знати и храмы.

— Все готово, — донеслось от дома сухое заявление.

Оглянувшись, я обнаружила мрачного маркиза Сангирта, стоящего в проеме распахнутой двери, и медленно двинулась в ту сторону, с каждым шагом все яснее понимая, как права была Луизьена, досконально изучившая нравы мужчин. С учеником Танрода нужно поговорить, и как можно скорее.

— Лорд Кэрдон, — прикидывая, хватит ли мне на объяснения пяти минут, мягко начала я, войдя в обставленную в сельском стиле гостиную. — Почему вы на меня злитесь?

— Я? Ничего подобного, — объявил он ледяным голосом и не выдержал, презрительно добавил: — Я просто не доверяю вам. Вы приведете Онгильену к гибели.

— И у вас есть доказательства? — изумилась я, но сразу же осознала — если бы они у него были, маркиз уже убивал бы меня, причем ничуть не усомнившись в своем праве.

И он прекрасно понял, что я об этом догадалась, — чуть подался вперед и свистящим шепотом произнес:

— А вы можете объяснить, отчего герцог напал почти сразу, как только вы оказались на моем месте?

— Не на вашем, а на своем собственном. Не забывайте, это вы ехали под моей личиной, — огрызнулась я, спешно ища веские доводы в свою защиту. — И это не я решила, что должна ехать с Гили, а Танрод! Причем посадил вас в ее карету за два дня до того, как сообщил об этом мне!

— Потому что ты свела его с ума, — Кэрдон забыл о том, что обращался ко мне с положенной между людьми нашего круга учтивостью, и теперь смотрел горящими ненавистью глазами, — и он стал цирковой собачкой, танцующей под твою дудку. Его не узнают ни друзья, ни родня, он не влюблялся в женщин ни в восемнадцать, ни в двадцать два, отверг трех выбравших его красавиц! А теперь вдруг решил срочно жениться на монашке, у которой проснулись слабенькие способности? Причем ментальные, какое необычное совпадение! А лисья хитрость и повадки опытного шпиона у тебя и раньше были, меня не проведешь.

Он вдруг прищурился и пристально уставился каким-то странным взглядом, въедливым и ласковым одновременно.

— Что ты намерен во мне рассмотреть? — еще шутила я, но уже чувствовала, как все сильнее кружится голова, словно я слишком долго каталась на карусели. — Кэрдон! Прекрати!

— Ну уж нет, — жестко процедил он, вглядываясь в мои глаза с безумной яростью. — Я не позволю тебе сделать из себя дурака и сожрать своего друга без соли тоже не дам…

Мир начал медленно вращаться вокруг меня и темнеть, как омут, рождая в душе ужас и отчаяние. Но вспыхнуло спасительным лучиком воспоминание об уроках Танрода, и я, невероятным усилием заставив себя зажмурить глаза, поставила последний придуманный мной щит. Он родился из снов, в которых я связанной по рукам и ногам дичью падала в бесконечно глубокую мглу, не имея возможности ни крикнуть, ни вздохнуть.

И теперь туда летел Кэрдон… вернее, я хотела надеяться, что летит, судя по

сдавленному стону маркиза. Но поднять веки и убедиться в этом или снова попасть в плен его дара не имела никаких сил. Только стискивала кулаки, стараясь ни на миг не убрать щит, и вслепую отступала назад, мечтая оказаться возле двери и вывалиться на улицу. Истово надеясь, что там он не станет меня догонять.

Но голос маркиза, с бешенством хрипевшего нечто нечленораздельное, становился все ближе, и от ужаса я распахнула глаза, чтобы убедиться в самых страшных подозрениях: до крови сжав губы и превозмогая силу наваждения, Кэрдон двигался ко мне медленно и неумолимо, как каменный тролль сквозь ураган. Его поднятые руки со скрюченными пальцами были на расстоянии всего пары локтей и не оставляли никакого сомнения, как намеревается поступить со мной ученик и друг жениха.

— Прочь, — прошептала я, пытаясь силой четок отодвинуть ставшего врагом мага, но эти усилия оказались тщетны.

Почувствовав ослабление моего щита, он двинулся вперед еще упорнее и вскоре дотянулся до плеча, намертво вцепившись в монашескую накидку. И тогда от страха я ударила так, как учил мастер Леброт. Неожиданно, резко, костяшками туго стиснутых пальцев в кадык. Кэрдон захлебнулся стоном, схватился за горло, покачнулся и согнулся вдвое, заходясь в хрипящем кашле.

Водоворот, тянущий меня в темные глубины несуществующего моря, исчез моментально, и сразу же появилась уверенность, что теперь я смогу отодвинуть мага с помощью четок.

Еле слышно, но яростно выдохнула: «Прочь!» — и лорда снесло к противоположной стенке, в угол между деревянной резной скамьей и побеленным очагом. А я, раздумав немедленно бежать куда глаза глядят, выхватила почтовую шкатулку, написала два слова: «Кэрдон напал» и отправила Танроду. И только после этого, почувствовав, как дрожат колени, на всякий случай отступила к двери и встала позади низкого кресла из ошкуренных жердей, опершись на спинку. Попутно стягивая с головы душившую белую накидку.

— Кого ты вызвала, гадина? — прохрипел лорд, умудрявшийся следить за моими действиями.

— Танрода, — не стала я лгать, абсолютно уверенная, что магистр не задержится.

На оскорбления тоже не обратила внимания, никто из мужчин на его месте не стал бы разговаривать со мной учтиво после такого удара. Жалела лишь об одном — что не попросила захватить тетушку. Насколько я помню, она несколько раз встречалась с Сангиртом, но подробностей их разговоров никогда не разглашала. Впрочем, я и не интересовалась, зная принцип Луизьены не нарушать данного клиентам честного слова и не подвергать опасности друзей, вовлекая их в опасные чужие тайны.

Маркиз тяжело шлепнулся на скамью и отвернулся, растирая пальцами горло и больше не обращая на меня никакого внимания.

Глава 5

Дверь распахнулась от ураганного порыва, и в гостиной возник лорд дознаватель. Короткие волосы были растрепаны, как у дикого кота, нарядный камзол висел на левом плече, а в правый локоть клещом вцепилась Луизьена. В моем ошеломленном разуме не успело проскочить ни одной мысли, как учитель нашел меня взглядом и, стряхнув с руки тетушку, словно навязчивого щенка, оказался рядом. Стиснул в объятиях, несколько секунд тяжело дышал мне в волосы, приходя в себя, потом развернулся к ученику.

Однако сказать ничего не успел, заинтригованный поступком герцогини Эльзбет Дирзо. Остановившись возле зеркала на полпути к Кэрдону, она уверенными движениями, отточенными за много лет до вершины мастерства, стремительно превращала себя в Луизьену Бенро.

Мой жених недовольно фыркнул, явно считая ее действия излишними, усадил меня на скамью и попытался отстраниться, но за эти минуты я тоже уже немного пришла в себя и отчетливо понимала, кто из них лучше разберется с маркизом. Вернее, истово верила в тетушкино умение находить золотые зерна истины там, где никто не видел ничего, кроме безумных поступков и пропасти лжи. И потому вцепилась в полуодетого жениха, как в нависшую над болотом спасительную ветвь.

Танрод вздохнул и заглянул в мои глаза взором, в котором сквозь нежность посверкивали молнии гнева. И готовность вонзить их в сидевшего с опущенной головой маркиза. Но снова не успел.

— Как тут душно, — хорошо знакомым всем клиентам мягким, чуть насмешливым голосом пропела Луизьена, проходя к окну и решительно распахивая створки. Кэрдон, медленно подняв голову, уставился на известную всему Тагервеллу пышную прическу, скрученную из голубовато-белых волос. — А что у вас произошло?

— Ты обман, личина, — презрительно и недоверчиво пробормотал маркиз, обреченно добавив: — Она умерла.

— Не умерла, а вышла замуж, — кротко поправила тетушка и наконец повернулась к нам лицом. — Поэтому вынуждена была взять другое имя. Иначе мой избранник не смог бы на мне жениться. К сожалению, император никак не решится ослабить эти старинные законы. Но кому я рассказываю — как мне стало известно, сам ты, мой друг, ради любимой девушки готов целыми днями ходить в женском платье и терпеть нежные взгляды влюбленных лордов.

— Козлы они, а не лорды, — с ненавистью процедил Сангирт и уставился на Луизьену дотошным взглядом. — Но если ты и в самом деле мадам Луиза, то я очень рад. Ее гибель расстроила меня по-настоящему.

— Я могу доказать свою подлинность тысячью способов, — терпеливо сообщила Луизьена. — Но сделаю проще. Посмотри на мои пальцы, тебе ничего не говорит вот это кольцо? Ведь оно должно было утонуть вместе со мной? И только мы вдвоем знаем его тайну, я не раскрыла ее даже Эвелине.

— Луиза, — не выдержал Танрод, — я очень ценю твое желание ему помочь и понимаю, ради кого ты так стараешься. Но есть поступки, которых человек не должен совершать никогда, — например, предавать учителя. А в Саркане, кроме того, нападение на женщин считается самым главным преступлением. Девушек нельзя не только пальцем коснуться, а

даже пригрозить жестом или словом.

— Да? — изумилась я у него из-под руки, начиная понимать, что задумала Луизьена. — А почему тогда меня запугивали все, кому не лень?

— Прости, — скрипнул зубами Танрод, на миг прижал меня крепче, коснулся виска губами, — но в то время мы считали тебя шпионкой.

— А он и до сих пор считает, — буркнула я скорее для тетушки, чем для него, и нехотя добавила: — И думает, будто я тебя одурманила.

— И какие еще обвинения он тебе выдвинул? — В голосе магистра, обличительно уставившегося на ученика, слышался отзвук студеной поземки. — Не молчи, Кэрд, скажи нам всем.

— Он просто сделал неверные выводы, — сострадательно вздохнула Луизьена. — С мужчинами в подобных ситуациях такое случается. Вам ведь наверняка это известно? Почти все мужчины могут вынести намного более тяжкие испытания, чем женщины, зато женщины обычно терпят дольше. И ждать мы тоже умеем лучше, ну, за редким исключением. А он ждет больше трех лет, и никакой надежды на счастье нет. Я ведь еще три года назад давала ему советы, но даже не могла представить, что говорит он о нашей Гили. Кэрдон ни разу не проговорился, и я думала, будто его возлюбленная — дочь одного из тех северных лордов, кому собственный снобизм дороже счастья детей. Его нужно понять и помочь.

— Мы и так все ему помогаем, — ледяным тоном отрезал Танрод. — И Вельена в первую очередь. А у него хватило наглости напасть на нее в такой день!

— Насколько я вижу, Вели сумела дать отпор, — не сдавалась тетушка. — Не зря же столько лет ходит к Леброту!

— Куда? — изумился Танрод, и мне пришлось сделать самое наивное выражение лица, про себя вовсю костеря Луизьену, решившую одним махом раскрыть все мои тайны.

Не могу не признать, метод и в самом деле эффективный, но ведь не в день же свадьбы вываливать на жениха такие подробности?

— Ну должна же она уметь защищаться, — с самым убежденным видом задрала нос тетушка. — Я и сама взяла у него несколько уроков. Хотя в моем салоне Вели занималась только девушками и молодыми женщинами, но в жизни всякое случается. Люди к нам приходили вовсе не с радостью. А от обиды и горя многие, случается, теряют и терпение, и рассудок.

— Но при чем тут ваш салон и эта монашка? — не выдержал Кэрдон, и я улыбнулась про себя.

Он все-таки поверил, что Луизьена не лицедейка и не шпионка под личиной. И значит, должен принять и все остальные объяснения, у тетушки дар наглядно убеждать людей в своей правоте.

— Но ведь именно Вели работала со мной под именем Эвелины, — делано поразилась Луиза. — Лорду Танроду об этом известно.

— Всего три дня как, — не моргнув глазом слегка покривил против правды мой учитель. — И это строгий секрет, поэтому я ничего не говорил даже своим ученикам. А вы, леди, умудрились насорить тут моими тайнами.

— Простите, — покаянно опустила глазки тетушка, — но он должен был это знать. Ведь девушки дружат уже почти пять лет, Гили и мне стала за это время родной. Только последний безумец решит, будто Вели может предать единственную подругу.

— Не может быть… — И так бледный Кэрдон белел на глазах. — Она же привела Гили

к Бетдино!

— Это сплетня, которую распространяла по дворцу одна из шпионок герцога, и мы ее уже вычислили, — свирепо прошипел Танрод, почему-то раздумавший вставать с кресла и выпускать меня из рук. — Зато все свидетели утверждают, что Вели рисковала и жизнью, и репутацией, нахально влезая на облучок кареты, в которую ее не пустил герцог. А потом, когда Бетдино с помощью амулета открыл магический путь, она зашвырнула туда его самого и тем самым спасла Онгильену.

— Но это, — приподняв бровь, рассматривала меня тетушка, — невероятно!

— Браво, Луизьена, вы отличная лицедейка, — похлопал Танрод. — Но должен вас разочаровать, номер не удался. Я чувствую ложь и давно научился распознавать даже легкое лукавство. И потому думаю, вы сейчас пытаетесь выудить у нас волнующие вас сведения. И я не против, так как вы уже с головой влипли в небольшой заговор против герцога Бетдино и по доброй воле, как наверняка уже сообразили, из него не выберетесь. Поэтому вам придется дать честное слово хранить эту тайну даже от мужа.

— Даю, — не засомневавшись даже на миг, произнесла она. — Итак?

— У Вельены недавно проснулись магические способности, и теперь она моя ученица. И Бетдино она забросила в портал вовсе не руками, а магией. Как и Кэрда сейчас, хотя вряд ли это было легко, он может подчинять людей своей воле. Вот поэтому я и хочу, чтобы он рассказал мне, что тут произошло. И побыстрее, нас уже ждут в храме.

Маркиз сжал красивые губы, и его лицо закаменело так красноречиво, что стало ясно — сейчас его можно резать, но больше ничего он не расскажет.

— Вельена, — ожидающе уставился на меня магистр, — расскажи ты.

— Ну уж нет. — Мне сразу стало понятно, как будет выглядеть этот доклад. — Доносчицей я никогда не была. Раз он не считает нужным повторить свои обвинения, то пусть извинится, и забудем про это.

— Не выйдет, — отказался Танрод, оглядев нас суровым взором главного дознавателя. — Если бы он признался мне в своих ошибках и проступках и искренне раскаялся, то я, как наставник и старший маг, мог бы самостоятельно решить это дело и назначить наказание. Однако он не желает чистосердечно рассказывать о произошедшем и вслух признавать свою вину, поэтому мне придется вести его в цитадель на суд магов.

— Как страшно звучит, — зябко передернула плечами Луизьена. — И как несправедливо. Мы ведь все уже поняли, что он сорвался из-за тревоги за любимую девушку, из-за накопившейся усталости и безвыходности ситуации. Так бывает, человек не может бесконечно выносить удары судьбы. Они со временем накапливаются, и крупные, и мелкие, особенно если постепенно тают надежды и уверенность в счастливом будущем. И однажды чаша терпения переполняется… Последней каплей может оказаться любая мелочь, сущий пустяк. Потом плотину рвет, и человека несет на вырвавшихся на волю волнах эмоций.

— Луизьена, — строго покачал головой лорд дознаватель, — ты сейчас защищаешь старого клиента, и это правильно. Но я тоже не желаю ему зла и по праву учителя и друга намерен до конца вычистить этот клубок недопонимания, ошибок и заблуждений, чтобы не осталось и тени сомнений и вернулось прежнее обоюдное доверие.

— А нельзя его размотать, не выворачивая человеку наизнанку душу? — само сорвалось у меня с языка. — Не такое уж это приятное ощущение, как вам кажется. Меня так целый месяц выкручивали, и лучше не рассказывать, как мне было плохо и как люто я в то время всех вас ненавидела.

— Вели, — Танрод вмиг обхватил меня руками, стиснул железным кольцом, засопел над ухом, — тебе пора это забыть.

— Такое забывается не скоро, — печально вздохнула тетушка. — Несправедливые обиды много лет жгут людям сердце невидимым огнем. Как и недоверие… И раз вы уже взяли меня в свой заговор, хочу покаяться в одном проступке, вполне невинном, но противозаконном. Лорд Генри знал, кто я такая, когда предложил мне руку, но я хорошо изучила людей и не сомневалась, что такой вольности общество не простит ни нам, ни нашим детям. И поэтому устроила представление с гибелью. Разумеется, утонула я у всех на виду далеко от берега, и спасать бросилась целая толпа на лодках и яхтах. Но удалось это только одному — тому, с кем я договорилась заранее. И потому больше никто этого не знал. Не буду описывать вам подробностей, они не имеют значения, да и помогавших мне людей выдавать не хочу. Мне необходимо рассказать Вельене, ради чего я взяла у нее деньги, которые она копила несколько лет.

— А мне не нужны твои объяснения, — мигом вспыхнула я искренним возмущением. — Я и так знаю — если бы не крайний случай, ты никогда бы так не поступила. Уверена, ты брала их для серьезного дела.

— Для меня оно было очень важным, хотя и несложным, — невесело кивнула Луизьена. — Мне требовалось добыть надежные документы, и не какой-нибудь белошвейки, а знатной леди. И где их взять, я тоже знала. Одна из моих клиенток, престарелая графиня Лиарсо, лет двадцать назад потеряла младшую сестру из-за собственного упрямства. Девушка любила простого человека, музыканта или художника, а графиня присмотрела ей выгодную, и главное — равную партию. Закончилось все плохо, девушка сбежала, а ее старшая сестра так и не смогла себя простить… Она желала найти беглецов и вернуть им то, что у нее осталось. К слову, осталось очень немного — заложенное имение и куча долгов. У нее не было даже денег заплатить за услугу, и мы договорились, что я позже попрошу у нее какой-нибудь помощи. Вели, ты ее знаешь, именно ты ездила искать следы пропавшей девушки.

— Теперь вспомнила, — мрачно буркнула я, прижавшись к Танроду. — Как выяснилось, судьба была против них, они заблудились и погибли, а нашел их лесник и тихо захоронил, не желая огорчать добрую хозяйку.

— Сама доброта, — тихо рыкнул мне в волосы жених. — Не могла подумать заранее!

— К сожалению, — мудро заметила Луизьена, — большинство людей не умеют и не любят заранее просчитывать результаты своих действий, хватаясь за голову только тогда, когда ничего изменить уже невозможно. Мне пришлось сказать графине правду, этого требовала моя честь. И она предложила сделку — тайно купить ее поместье и определить ее в монастырь, а она оставит документ, в котором признает меня своей пропавшей сестрой, возраст вполне подходящий. На тот случай, если когда-нибудь я пожелаю оставить свое дело. Ну, дальше, думаю, вам все понятно. Когда я приняла предложение Генри, то исчезла Луизьена Бенро, и появилась Эльзбет Лиарсо. А деньги потребовались мне на выплату долга гномьему банку и в качестве доказательства моей состоятельности. Якобы я все эти годы жила в восточных провинциях вместе с мужем и вернулась домой, когда стала вдовой.

— Ради Вели я сделаю вид, будто ничего этого не слышал, — проворчал мой учитель. — И еще потому, что не нахожу здесь тяжкого преступления. Но заговаривать мне зубы больше не пытайся. А ты, дорогая, если так жалеешь осмелившегося напасть на тебя лорда, расскажи сама, в чем еще он тебя обвинял.

— Я его не жалею! — рассердилась я. — Ты меня все время неверно понимаешь! Я жалею Гили, ей сейчас труднее всех, а она держится. А Кэрдона теперь понимаю, тетушка очень понятно объяснила все, что я чувствовала. Да и обвинения смехотворные — в сведении тебя с ума. Ведь раньше ты не влюблялся даже в красавиц, которые выбирали тебя втроем. Ну и еще в шпионском поведении.

— И из-за этих нелепых обвинений, — продолжал сурово глядеть на ученика Танрод, — он решился наброситься на девушку. Не важно, на чью невесту или сестру, у магов все женщины неприкосновенны.

— Но, во-первых, — прекрасно понимая, что защищаю своего обидчика, все-таки не смогла смолчать я, — насколько мне известно, он родился вовсе не в Саркане. Да и бросился он не с оружием, а пытался напугать взглядом.

— Хотя не имел на это никакого права. И кроме того, выдал сгоряча все личные тайны учителя, хотя и сам не знает, как все было на самом деле, его там попросту не было. Наслушался жалостливой болтовни Линты, — объяснял жених только мне, словно мы остались в комнате вдвоем. — Но тебе я расскажу, не желаю, чтобы между нами встало недопонимание. Когда я шел на турнир в первый раз, то считал себя влюбленным по уши. Девушка, с которой я мечтал связать судьбу, была очень хорошенькой, смешливой, болтливой и легкомысленной — смертельная смесь для юного серьезного мага. Она никому не повязала свою ленту, и тогда меня это не насторожило, а обрадовало. Я считал, что она сама принесет мне этот кусок ткани после того, как увидит мои победы. Но не учел, что среди соревнующихся будут маги много старше меня, и у многих из них уже имеются дома в Саркане и замки или поместья в городах империи.

Он смолк, пересиливая ту давнюю боль, а мне вдруг стало страшно. Только сейчас я осознала, как обделила бы меня судьба, если бы двенадцать лет назад неведомая кокетка завязала свой бантик на плече юного мага. И каким горьким оказалось бы разочарование Танрода, когда до него дошло бы, что любви ему никто и не обещал, девица просто выбирала себе надежное и богатое будущее. Я крепче прижалась к магу, осторожно погладила по щеке, безмолвно обещая постараться растопить в его сердце остатки этой обиды.

— Ну а дальше все просто, — благодарно поцеловав мне пальцы, суховато продолжил Танрод. — Она выбрала не меня, а никакие другие красотки мне не были нужны. Три года я отдал учебе и работе и осенью стоял на том же месте с теми же надеждами, но уже магистром и имея должность при императоре и дом в Тагервелле. И в этот раз меня выбрали сразу две, но я уже не был наивным простаком и отлично видел интерес не ко мне, а к моему достатку. После этого я на несколько лет забыл про турниры, но три года назад брат заставил меня сделать еще одну попытку. На этот раз девушки меня опасались, но нашлась одна смелая, и я без труда выведал ее истинные намерения. Вот в тот день я дал себе слово больше никогда не выходить на Сарканский турнир.

— Ты снял камень с моей души, — лукаво усмехнулась я и осторожно добавила: — А теперь не пора ли вспомнить, что нас где-то ждут?

— У меня есть еще одно дело, — грозно поглядывая на упорно молчавшего ученика, процедил магистр, но мне больше не верилось в серьезность этой угрозы.

— Хватит, Род, — укоризненно заглянув в серые глаза, попросила я. — Ты ведь и сам понимаешь, как ему сейчас паршиво. Нельзя добивать друзей, даже словами. Ну, я иду переодеваться, а вы пока расскажите тетушке, как собираетесь спасать Гили. Луизьена, несомненно, уже и сама об этом думала, а вместе мы быстрее найдем надежный способ.

Получила нежный поцелуй и направилась к двери во внутренние покои, где меня ждало приготовленное Кэрдоном платье.

— Я с тобой, — не пожелала принимать мое предложение Луизьена. — Хотя о Гили действительно беспокоюсь, но сегодня твой день, и я не хочу омрачать его никакими заботами. Тебе и так досталось.

Величественно прошла мимо магов и решительно захлопнула за собой дверь.

Глава 6

— Им нужно поговорить наедине, — едва слышно шепнула тетушка через несколько шагов, а когда мы вошли в комнату, где висело на манекене роскошное свадебное платье, с чувством добавила: — Спасибо, Вели, ты поступила правильно. Он очень горд, раним и страшно за нее боится, просто трясется. Не так-то просто с таким даром найти девушку, которая полюбила бы его самого, а не очаровалась магией. Но еще труднее и самому полюбить ее так же искренне, а он обожает Гили. Ну а ты и в самом деле выглядела в этой истории чрезвычайно подозрительно. Могу представить, как всполошились эти заговорщики.

Тетушка плюхнулась в кресло и заразительно рассмеялась. Глядя на нее, я тоже заулыбалась, чувствуя, как бесследно тают в сердце последние капли обиды, оставшейся от нападения маркиза.

А отсмеявшись, Луизьена принялась за приготовленное для меня платье, и так придирчиво ощупала каждый шов, что я не выдержала и осведомилась, чем это она занимается.

— Понимаешь, — чуть виновато глядели на меня знакомые глаза, — не хочу ошибиться. До сих пор маркиз ни разу не дал мне повода усомниться в своем благородстве и честности. Да, иногда он бывает несдержан и излишне категоричен в суждениях, но это свойственно многим молодым знатным лордам, не привыкшим сгибать спину перед обстоятельствами. И если сегодня Сангирт решился проучить тебя или расколоть внезапно даже для себя самого, то беседы учителя вполне достаточно, чтобы он искренне раскаялся. А вот если он готовился заранее…

Мне стала понятна мысль Луизьены, но согласиться с ней я не могла. Так как догадывалась, что это я сама своим невинным предложением подтолкнула и без того встревоженного Кэрдона к действиям. Но тем не менее вмешиваться в действия наставницы не стала, а дополнительно и сама оглядела платье через висевшее здесь большое зеркало.

Однако ничего подозрительного не нашла и поспешила с помощью тетушки преобразиться в невесту. За окном догорал этот насыщенный событиями день, которому, как вдруг выяснилось, суждено стать тем самым важным днем в моей жизни, о котором еще недавно я не осмеливалась и мечтать.

И поэтому вдруг разволновалась не на шутку, хотя точно знала, что Луизьена не лукавит, восхищаясь результатом наших совместных усилий. Девушка, которую я видела в зеркале, и в самом деле была хороша, и тетушка, полюбовавшись, решительно опустила мне на лицо покрывало из полупрозрачного шифона.

— Нечего ему заранее смотреть, — с притворной строгостью заявила она, махнула пуховкой по собственному носу и решительно повела меня к жениху.

Танрод был в комнате один и не скучал — торопливо писал и отправлял куда-то письма.

— Я сейчас, — не поднимая головы, буркнул он, заслышав наши шаги, и его магическое стило замелькало еще быстрее.

Луизьена язвительно фыркнула, но я ждала молча, и уже через минуту магистр резко захлопнул шкатулку, поднялся с кресла и в два шага оказался рядом. Недовольно поджал губы, обнаружив мою накидку, но ожегся о насмешливую улыбку тетушки и открыл путь — так, как умел только он, стремительно и незаметно.

Теплый аромат цветов, блеск позолоты в сиянии сотен свечей и пока негромкое, но торжественное пение хора обрушились на нас с Луизой с неожиданностью сюрприза, и почти минуту я с изумлением озиралась по сторонам, отказываясь верить собственным глазам.

В главном храме империи, стоящем на центральной площади Тагервелла, венчали только самых знатных и именитых особ.

— Танрод, — испугавшись вдруг за секретность нашей свадьбы, едва слышно шепнула я, — но как…

— Все будет хорошо, — уверенно успокоил он, положил мою руку себе на локоть и повел к щедро украшенному белыми цветами алтарю, возле которого уже невозмутимо стоял на возвышении главный жрец в парадном облачении.

Матушка Мелисанта с Луизьеной, еще в доме Кэрдона преобразившейся в герцогиню Эльзбет Дирзо, приотстав, шли следом. За ними двигалась еще пара мужских фигур в темных костюмах, но мне не удалось рассмотреть, кто это. Впрочем, меня сейчас волновало вовсе не это, а все приближающийся алтарь. Лишь теперь я начала понимать, сколько далеко не простых людей заставил суетиться мой жених с той самой минуты, как получил мое согласие на свадьбу.

Увивавшие алтарь и стоящие в вазах вокруг возвышения роскошные орхидеи и лилии принесли явно не от простых цветочниц, а из императорской оранжереи; свет сотен дорогих витых свечей освещал даже дальние закоулки огромного храма, и их медовый запах смешивался с ароматом цветов, кружа голову, словно вино из роз.

Мы наконец остановились, магистр уверенно поднял и откинул не понравившуюся ему накидку и замер на долгое мгновение, оторопело глядя мне в лицо. Постепенно его взор становился все более восхищенным и чуточку обиженным. Я следила за ним с лукавой усмешкой, заранее уверенная в такой реакции, ведь не каждая камеристка знает столько секретов применения пудры и теней, как Луизьена. И исподволь краснела, против собственного желания начиная осознавать, как подлинно и серьезно все происходящее, еще пару часов назад казавшееся безобидной уловкой, маленькой военной хитростью против коварного врага.

— Приветствую вас, дети мои, — зычно произнес жрец, и пение стало тише, словно между нами и хорами повисло плотное полотно.

Чинно взявшись за руки, мы повернулись лицом к произносящему ритуальную речь служителю и стояли с самыми внимательными лицами, хотя большой палец лорда дознавателя не переставая гладил мою ладошку, мешая проникнуться важностью момента. Но когда жрец начал задавать вопросы, я крепко стиснула шаловливый палец, не позволяя испортить ритуал. И лорд притих, как-то успокоился, словно пойманный в силок зверек.

— Лорд Танрод Ледхар, герцог Дельгарский, по своей ли воле ты берешь в жены эту девушку и готов ли делить с ней кров и имущество, любить и беречь в радости и в горе?

— По своей, — твердо произнес маг. — И клянусь быть ей верным мужем и надежным спутником жизни.

— Леди Вельена Глоэн, графиня ле Морнье… — слушала я, пытаясь припомнить, где находится это герцогство, Дельгаро. И почему до сих пор при мне никто не называл этого титула? — …и готова ли ты быть ему верной и любящей женой?

— Готова, — кротко произнесла я, и жрец степенно двинулся к нам, держа в руках шкатулку со свадебными браслетами.

Поставил ее на подставку и первый обруч, белого золота с крупными сапфирами, подал мне.

— Подтверди свою клятву, дочь моя, надень на жениха браслет, — прогудел над головой бас жреца, и передо мной ожидающе повисла загорелая рука учителя.

Некстати вспомнилось, что в этот ответственный момент некоторые невесты падают в обморок либо ударяются в истерику, а иногда даже бросаются бежать, и я постаралась проделать ритуальное действо как можно увереннее. Правда, пальцы все же почему-то дрожали, и с застежкой пришлось повозиться почти минуту, но я справилась.

Зато Танрод защелкнул мой браслет так ловко и стремительно, словно тренировался в этом каждый день.

— Поздравляю, дети мои, теперь вы муж и жена, — уверенно опутывая нас нескончаемой цветочной гирляндой, басил жрец. — Живите долго и счастливо.

— Постараемся, — прижимая меня к себе, деловито пообещал магистр и знакомо прищурился.

Храм тотчас исчез, и стало темно, прохладно и почему-то шумно.

Причем не так шумно, как бывает на свадьбах, когда истомившиеся в ожидании молодоженов гости, не имея еще права сесть за стол, потихоньку веселятся, пробуя на крепость расставленные напитки и собственное острословие.

А в нашем доме раздавались сдавленные крики, звон оружия, скрежет мебели, и внезапно донесся гневный звериный рык.

— Кыш! — ринулась я к двери, и в тот же миг на моей талии железной хваткой сомкнулись мужские ладони.

— Ты останешься здесь или я отправлю тебя в другое место, — твердо, почти жестко объявил свежеиспеченный муж, сразу показывая, кто в нашем доме будет хозяином, втиснул меня в кресло и ринулся к выходу.

— Но Танрод… — Моя попытка воззвать к его совести засохла на корню, отрезанная решительно захлопнутой дверью.

Несколько минут я упрямо пыталась ее открыть, все сильнее убеждаясь в бесплодности попыток.

— И будешь ты отныне всю жизнь заваривать чаи, вышивать подушечки и командовать горничными, — оставив наконец дверь в покое, съязвила я, подражая басу жреца, минуту назад связавшего нас нерушимыми узами.

Кстати, а куда делись наши свидетели? И где та цветочная гирлянда, которую я должна засушить и хранить всю жизнь, чтобы с гордостью демонстрировать внукам?

Стараясь не пропустить ни одного приглушенного звука непонятной мне битвы, переместившейся куда-то за дом, я осмотрелась и обнаружила на полу обрывки первой семейной реликвии. Некоторое время смотрела на них, пытаясь понять, действительно ли мне ее жаль, потом вздохнула и принялась собирать и складывать на поднос.

— Оставь, я сам. — Голос магистра раздался неожиданно, а в следующий миг он уже держал меня в объятиях, а цветы, как живые, прыгнули мне в руки. — Уходим.

Перед глазами снова мелькнул мрак магического пути, лицо обдало свежестью морского ветерка и ароматом южных цветов и фруктов.

— А Кыш? — ахнула я.

— Уже здесь, — спокойно объявил муж, одним незаметным движением зажигая светильники. — Спит в малой гостиной. А сейчас прибудут и остальные гости, хотя их

немного.

— Все живы? — вмиг забылись мной и цветы, и питомец.

— Да, — буркнул магистр и хмуро добавил: — Кэрд ранен. Я послал его домой проследить за приготовлениями, и он попал в ловушку. Но вместе с Кышем отбился, почему-то твой зверь сразу понял, что это враги.

— Значит, это были люди Бетдино, — уверенно заявила я. — Кыш натаскан нападать без предупреждения только на его запах. И где сейчас Кэрдон?

— В лечебнице Доура. Ему нужен отдых… и энергия.

— Понятно, — кивнула я, а что тут не понять? Наверняка эта лечебница построена на таком же источнике, как Глоэн. — А где мы сейчас?

— В Дельгаро, — как-то смутился муж. — Про него никто не знает, поэтому тут самое безопасное место.

— И мне этого тоже не нужно знать? — само пришло понимание.

— Поговорим об этом позже, — уклонился он от ответа. — Сейчас мне необходимо проверить, как там дела, хорошо, что Кэрд подал сигнал. Это моя комната… и твоя. Умывальня там, столовая ниже.

Танрод сбежал порталом, оставив меня посреди просторного помещения с кучей вопросов и тревог. Кажется, я начинаю лучше понимать женщин, желающих знать все о делах и заботах своих мужей, как-то не очень приятно чувствовать себя кем-то вроде комнатной собачки. Хотя, как начинаю догадываться, Танрод вовсе не случайно взял меня с собой, уходя в особняк по тревожному вызову. Не хотел оставить одну у алтаря, зная, какие мысли могут прийти в голову свежеиспеченной жены.

От нечего делать я прошла по обставленной по южной моде комнате, изучая свое новое жилье. Мебели тут оказалось маловато, зато в изобилии имелись яркие пышные ковры, драпировки и занавеси. А в распахнутые стрельчатые окна врывался теплый морской бриз, живо напомнив мне форт Тор-Ханьо, светящиеся волны и смех Онгильены.

Сердце сжала печаль, едва я вспомнила о звездной сестренке. Проклятый герцог снова нанес ей удар. И не важно, что метил он в меня, больнее всего будет Гили. Нужно спросить Танрода, собирается ли он посвящать ее высочество в произошедшее?

Может, лучше пока скроем от нее ранение Кэрдона? Или муж, так резко взявший управление нашей семейной лодкой в свои руки, больше не намерен со мной советоваться?

Я немного погуляла по комнате, намеренно разбрасывая всюду свои вещи — узкие туфли и накидку, снова ставшую целой цветочную гирлянду и украшения; потом, подумав, сняла и торжественное верхнее блио из расшитого алмазами и серебром матового шелка.

Подвернула рукава нижнего платья того счастливого полуприталенного фасона, который никогда не выходит из моды, и, устроившись на низком подоконнике, попыталась сообразить, чем может столько времени заниматься мой муж. Не желая прозевать его появление, постаралась сесть так, чтобы видеть всю комнату, а самой оставаться в тени пышных портьер.

Танрод вышел из портала посреди комнаты, несколько секунд постоял, оглядывая разбросанные вещи, и крутнулся, явно стремясь побыстрее обнаружить меня. На его груди сверкнула всеми лучами звезда главного дознавателя, мгновенно заставив меня покраснеть от досады.

Ну как можно забыть, за кого вышла замуж на самом деле? Неужели он мог бы сесть

праздновать и не допросить немедленно, по горячему следу, пойманных Кышем лазутчиков?

— Они что-нибудь сказали? — помогла мужу найти себя, одним махом развеивая надуманные обиды.

— Простые наемники, — ринулся он ко мне, по пути снимая звезду. — Их нанял незнакомый господин, утверждающий, что от него сбежала жена и прячется у любовника. Но по описанию смутно похож на герцога, и самое главное, ищейки тоже почуяли на них его запах.

— А могли и не почуять, — сообщила я гордо. — Мы с Лебротом проверяли, у Кыша нюх тоньше. И способность запоминать запахи в несколько раз сильнее.

— Прибью этого жулика за такие сюрпризы, — свирепо пообещал Танрод, сбрасывая камзол, и сел рядом. — Он ведь тренирует и моих людей.

— Кроме меня, Леброт учил защищаться не менее десятка девушек, — спокойно сообщила то, чего Танрод никак не мог не знать. — Но сейчас меня интересует другое — ужин у нас будет или ты его отменил?

— Будет. — Он наконец обнял меня, коротко поцеловал в уголок губ. — Только схожу сменю рубашку, а то ты раньше времени рассмотришь мой торс.

— Спохватился, — невольно засмеялась я. — Нужно было прятать свой торс, еще когда в Глоэне вылезал из кареты.

— Откуда я знал, с кем имею дело, — почти всерьез огорчился муж и стремительно сбежал в умывальню.

А я не спеша поправила прическу, поглядывая в маленькое зеркальце, и встала с подоконника. Как раз вовремя — Танрод шел навстречу, умытый и в свежей рубашке с распахнутым воротом.

— Раз ты решила одеться попросту, — спокойно заявил он, — то и я не буду мучиться в камзоле. Здесь жарче, чем в Тагервелле.

Я согласно кивнула и положила руку на подставленный локоть. Судя по всему, гостей у нас будет очень немного, и значит, особые церемонии ни к чему. Нападение на дом магистра и ранение Кэрдона как-то не располагают к пышному празднеству.

— И еще… — остановившись у самой двери, огорченно вздохнул мой муж. — Этот дом я начал строить недавно, и готово лишь несколько комнат. Поэтому лучше никого не приглашать его осматривать.

— Хорошо, — согласилась я. Все, что касается домов или желания людей иметь собственное жилище, мне хорошо знакомо и близко, сама недавно мечтала о том, как буду приводить в порядок Глоэн. — Идем?

— Вели… — не тронулся с места Танрод, пристально вглядываясь в мое лицо, — ты на что-то обиделась?

— Нет. — Внезапно мне стали казаться смешными и наивными мои недавние рассуждения. — Просто устала, день сегодня выдался непростой.

— Тогда идем ужинать и отдыхать, — мгновенно принял решение муж, легко подхватил меня на руки и пнул дверь.

Столовая, как вскоре выяснилось, располагалась прямо под спальней, а напротив виднелась распахнутая дверь в небольшую кухню. Где здесь та гостиная, в которой спит Кыш, я спросить не успела, обнаружив, что уже стою перед небольшой компанией гостей.

И первыми возле меня оказались Луизьена и матушка Мелисанта. Обняли, расцеловали, попутно изучая внимательными взглядами и оправляя платье и прическу.

— Ну слава Святой Матери, девочка моя, — надевая мне на шею защитный амулет, осенила благословляющим жестом наставница. — Наконец-то и тебя отметила наша богиня. Я искренне рада, ты заслуживаешь самой лучшей доли. Оставайся всегда такой доброй, честной и отзывчивой, мне будет чем гордиться в старости.

— Будь счастлива, — просто сказала тетушка и подхватила мои волосы алмазной диадемой. — Генри тоже будет за тебя рад.

— Это от нас, — поставил передо мной шкатулку граф Мерелто. — Поздравляем.

Олаф Ведзини старательно улыбался, но улыбка эта выглядела кисловатой, и я его понимала. Но успокаивать не собиралась, во всяком случае не сегодня. Раз Танрод счел нужным позвать на наш первый семейный праздник учеников, значит, это самые близкие и доверенные люди, и мне тоже пора принимать их в друзья.

Поэтому очень учтиво поблагодарила магов и вопросительно оглянулась на Танрода, понявшего этот взгляд очень правильно. Через минуту мы уже сидели за столом, без особых церемоний наполняя свою посуду и приступая к позднему ужину.

Как вскоре оказалось, лорд главный дознаватель позвал учеников вовсе не праздновать. Едва они поели, выдал обоим короткие и непонятные указания и отправил исполнять.

Заканчивали ужин мы вчетвером, но скучно не было. Луизьена знала море интересных и смешных историй и рассказывала их с живостью свидетеля, привычно заставляя всех вокруг смеяться до слез.

Но выпив чаю с обязательным «счастливым» десертом из мороженого и засахаренных лепестков белых роз, обе мои наставницы потребовали отправить их в Тагервелл, и Танрод послушно распахнул перед ними магический путь.

— Кто здесь убирает? — направляясь к двери, не удержалась я от зевка.

— Я сам. Просто накрою заклинанием, — принялся за дело маг, и мне оставалось лишь порадоваться разнообразию его умений.

За это сама я, добравшись до спальни, сначала постелила постель и только потом направилась в умывальню, попутно оставляя на столике снятые украшения.

А когда вернулась, обнаружила Танрода стоящим у окна спиной ко мне.

— Вели… — не оглядываясь, нерешительно начал он, — я должен задать тебе один вопрос.

— Нет, — немедленно слетел с моих губ ответ.

— Что «нет»? — обернувшись, как-то растерянно смотрел магистр.

— Не было у меня любовников, — твердо отрезала я. — А разве ты не это хотел узнать? У меня был поклонник, так он спросил на первом же свидании.

— Тупой он и наглый кот, — почему-то очень обозлился Танрод, делая ко мне несколько шагов. — Мужчины такие вещи понимают без всяких вопросов. Ошибаются только юнцы и некоторые монахи.

— А ты монахом не был? — Мне почему-то стало смешно.

— С тех пор, как встретил тебя, вступил в послушники, — фыркнул он, обнимая меня за талию, и снова уставился в глаза испытующим взглядом. — Я хотел спросить о другом.

— Да.

— Что «да»? — снова насторожился муж.

— Все. Я не для того столько лет ждала тебя и искала, чтобы говорить «нет», — выкрутилась я, понимая, как зря поспешила с ответом.

Нужно бы сначала выслушать его вопрос.

— Вели… — Танрод снова стиснул меня, как самую ценную находку, и с шальной улыбкой очень тихо признался: — А я уже почти перестал искать. Думал, ты родилась слишком рано… или поздно… или вообще где-то в далеком мире…

Это были самые прекрасные слова, услышанные мной в жизни, а поцелуи, обрушившиеся вслед за нами, оказались трепетно нежны, горячи и неимоверно восхитительны. Мир вокруг тихо закружился сказочной каруселью, срывая с моих ресниц светлые слезинки, и унес нас в волшебную страну счастья.

Глава 7

Мой сон прервал жаркий язык, вылизывающий пальцы, и я невольно покраснела, не сразу догадавшись, чьи это проделки. Но тут руку лизнуло едва ли не до плеча подозрительно широким и шершавым взмахом, знакомо басовито муркнуло, и я мгновенно распахнула глаза. Нависавшая над краем постели лохматая черная морда сверкнула желто-зеленым глазом и требовательно взрыкнула, требуя прогулку.

— Кыш… живой… — От полноты чувств я погладила его лобастую голову и решительно встала с постели.

Судя по лучику солнца, пробившемуся между пышных занавесей, над герцогством Дельгаро уже властвует день, и мне некогда тут валяться.

По лестнице Кыш спустился одним прыжком. Пока я шагала по ступенькам, он безошибочно нашел нужную ему дверь и теперь сидел перед ней, нетерпеливо мотая хвостом.

— Сейчас, — решительно щелкнув засовом, распахнула дубовую створку и на миг замерла, разглядывая раскинувшуюся передо мной картину.

Сбитое из нестроганых досок крыльцо в полтора десятка ступеней заканчивалось на каменистой площадке, поросшей редкой, вычесанной ветрами травой, а дальше простиралось небо, припорошенное редкими перьями утренних облаков.

Разумеется, остаться на месте оказалось не под силу. Поспешно спустившись с крыльца вслед за Кышем, направилась туда, к этой притягательной синеве. И пока шла, обнаружила кучи песка, ровные ряды тесаных камней, горки толстых бревен и прочие, нужные для строительства дома материалы.

А затем очутилась перед невысокой, всего по пояс, оградой, сложенной из осколков камня на известковом растворе, и снова замерла, опершись на нее и изучая свои новые владения.

Неба здесь было больше всего, намного больше. Где-то очень далеко оно переходило в синь моря, однако ни шума волн, ни криков чаек сюда не доносилось, и я знала, что это может означать. Замок стоит на высокой скале, и осталось лишь выяснить, в какой именно части побережья.

Я задумчиво обернулась к дому, который уже начинала считать своим и в который уже раз остолбенела, не находя определения увиденному.

Никакого замка не было. Лишь угол сложенного из громадных камней высокого фундамента да мощная башня, высившаяся на этом основании. И только по прямоугольной, а не круглой форме этого строения да по заделам для продолжения будущих стен, углом идущих в две стороны, можно было догадаться, что строительство только начато и замок тут все-таки будет. Когда-нибудь.

— Вели! — Мой муж стремительно сбежал со ступенек, вмиг оказался рядом, втиснул мне в руки охапку белых роз и одарил сияющим счастьем взглядом. — Я пришел с тобой позавтракать.

— Это хорошо… — Не успела договорить, как мы очутились в столовой. — Ой! А я как раз думаю, где мне найти платье, ведь Гили уже, наверное, тревожится.

— Нет, — коротко сообщил Танрод, одарил меня нежным поцелуем, усадил в кресло и принялся накрывать на стол.

— Почему?

— Там Кэрдон.

— Но ведь он ранен!

— Вот и сидит на кушетке, изображая мигрень.

— Танрод, — обдумав все сказанное им, нежно произнесла я, — как ты относишься к семейным скандалам?

Он даже запнулся, потом нахмурился, но тут же что-то сообразил и вопросительно уставился на меня:

— А почему ты это спрашиваешь?

— Это нечестный прием — отвечать вопросом на вопрос, — так же нежно разглядывая его задумчивое лицо, заметила с улыбкой. — Но мне несложно ответить. Я их просто ненавижу. Скандалы постепенно убивают семью, превращая бывших влюбленных в несносных сожителей.

— Уф, — выдохнул лорд и подал мне руку: — Прошу!

А когда мы уже сидели за обеденным столом, с нарочитой небрежностью заметил, разрезая подогретое магией жаркое:

— И я очень рад, что ты так думаешь. Значит, не станешь устраивать скандалов.

— Никогда, — пообещала твердо и тотчас искренне вздохнула: — Но вот ты сам…

— Что? — уронил на тарелку поднесенный ко рту кусок мяса мой муж и потрясенно уставился на меня. — Я не понял… ты меня спровоцируешь?

— Фу, как нехорошо ты обо мне подумал, — пристыдила любимого и печально пояснила: — Скандал ты устроишь по собственному желанию, ведь тебе придется заставить меня лгать самым близким родственникам, а они этого никому не простят.

— Вели, — оставил свою тарелку Танрод, подвинул свой стул вплотную и, взяв в плен мою руку, насмешливо уставился в глаза, — прости, тебе достался не самый искушенный в таких тонкостях муж. Теперь я могу откровенно признаться, что никогда не мог понять, как ты делаешь совершенно противоположные выводы и позже они оказываются далеко не ошибочными. Можешь объяснить, о каких родичах сейчас речь?

— Ты идешь правильным путем, — краснея от собственной храбрости, я поощрила его нежным поцелуем. — А новых родичей ты и так знаешь. Моя духовная мать, любимая тетушка, не менее любимая звездная сестра и ее жених.

— Странное родство… звездная сестра, — задумчиво заметил магистр. — До сих пор я о таких не слышал.

— Не мне указывать ее императорскому высочеству, — кротко произнесла, скромно опустив взор, — какие можно изобретать титулы, а какие нет. Но ритуал проведен и заверен ее личным амулетом, и вряд ли кто пожелает его отменить.

— Так… — задумался Танрод, даже вилкой начал постукивать. — Ты намекаешь, что расскажешь Онгильене о моем нежелании отправлять тебя во дворец?

— Не намекаю, — категорично отказалась я и пояснила: — А говорю прямо. Но рассказывать буду не о твоих желаниях, а о том, почему раненый Кэрд изображает мигрень. И тоже вовсе не из вредности или настырности. Гили далеко не дурочка и однажды, много позже, обязательно сопоставит все даты и события. И тогда упреков и обид не избежать не только тебе, а и всем нам.

— Не забывай, за тобой охотятся, — еще спорил он, однако это уже было простое упорство.

— И раз меня сейчас изображает Кэрд, то в случае нападения ударят по нему. — Не выдержав, потянулась и снова поцеловала подставленную мне щеку хмурого мужа. — А он ранен. И зачем тогда нужно было тренировать мое умение ставить щиты? Лучше было просто заниматься рукоделием.

— Ты даже не представляешь, — снова пододвигая к себе мясо, невесело усмехнулся магистр, — насколько мне было бы легче, если бы ты и в самом деле занималась шитьем.

— В Глоэне, под присмотром Линты, — ворчливо добавила я и неожиданно для себя горько выдохнула: — А ты бы приходил раз в декаду… проведать.

— Вели… — Вилка лорда полетела в сторону, и я даже испугалась, обнаружив прямо перед собой его искаженное болью лицо и устремленный на меня яростный, полный раскаяния взгляд. — Прости. Я пока не привык… вернее, не научился еще жить на два сердца. Но ты — самое лучшее в моей жизни, и клянусь, ничего такого не будет — ни вышивок, ни разлук. А сейчас поешь, там уже позавтракали, а обед не скоро. Потом я поменяю Кэрда на тебя… и сам хотел его кем-нибудь заменить.

— Вели? Это ты? — шепотом осведомилась ее высочество, рассматривая мою фигуру.

— К вашим услугам, — присела я в положенном реверансе, и на меня тут же обрушился ворох оборок, кружев и локонов.

Именно в таком воздушно-беспечном облике обычно представала перед придворными Онгильена, старательно игравшая для публики роль капризной, избалованной и легкомысленной глупышки.

С помощью этого незатейливого способа, подсказанного Луизьеной, ей уже пять лет удавалось морочить голову и папеньке-императору и ненавистному жениху.

— Вели, я так рада, что с тобой все в порядке!

— А что со мной могло случиться? — чистосердечно удивилась я.

— Не лукавь. Мне Кэрд по секрету рассказал, — сердито зашипела она, — что в дом Ледхара пробрались грабители. Во дворце все шепчутся с самого утра.

— Как интересно, — потянув ее подальше от дверей, усадила на кресло. — А что он еще рассказал?

— Что ты переволновалась, и поэтому у тебя мигрень… — Гили говорила все медленнее и всматривалась в мое лицо все пристальнее, а потом нахмурилась и одними губами спросила: — Солгал?

— Его заставили обстоятельства, — едва слышно попыталась я защитить маркиза. — Но меня там не было, зря ты волновалась.

— А кто там был? — осведомилась Онгильена, мрачнея на глазах. — Кэрд, да?

— И тем самым спас меня, — подтолкнула я ее мысли в другом направлении. — В дом проникли наемники, и у них были ловушки. Но ему помог Кыш.

— Значит, мигрень?! — уже сделала ее высочество правильные выводы, но развивать эту тему мне не хотелось.

— Не о том ты думаешь. Слишком уж быстро Бетдино выяснил, где я живу, ты не находишь? И решил захватить меня, причем живьем, иначе ловушки были бы другими, я в этом теперь немного понимаю.

Говорила я хоть и шепотом, но без опаски, кабинет Онгильены, в котором она предпочитала проводить утренние часы, был отлично защищен от подслушивания. Да и от вторжения чужаков, иначе, можно не сомневаться, герцог уже давно выкрал бы невесту.

— Поэтому ты и не пришла с утра?

— Нет. Вчера вечером я вышла замуж… Извини, но тебя привести не было никакой возможности. Были только тетушка и матушка Мелисанта.

— Вели! — Глаза моей подруги светились таким счастьем, словно это она наконец связала свою жизнь с любимым мужчиной. — Я так рада за тебя! Он благородный человек и вообще хороший. Так вот отчего он утром так сиял… А я подумала — потому что воры ничего не успели украсть. И даже не намекнул… ну, жук!

— Мы решили пока сохранить это в тайне, — предупредила я и показала запястье, на котором широкий серебряный браслет-оберег надежно прикрыл ритуальное украшение. — При случае «нечаянно» проговорюсь только про помолвку.

— Понятно, — подумав, кивнула принцесса. — Танрод хочет привлечь внимание герцога к себе. И правильно, он сильный маг, и справиться ему проще. Мы вообще хотели, чтобы он под личиной заменил меня во время помолвки, но ты же помнишь, какие требования выдвинул Бетдино.

— Не думай об этом негодяе хоть один день. Лучше расскажи, что ты знаешь о герцогстве Дельгаро? Или пойдем погуляем?

— Это герцогство из тех, — уверенно заявила Онгильена, прекрасно разбиравшаяся в делах такого рода, — которые император пачками жалует Сарканской цитадели за помощь и всякие заслуги. Маги не желают, чтобы урожденные лорды, палец о палец не ударившие ради империи и своего народа, задирали перед ними носы. И поэтому все магистры и те, кто живет не в Саркане, имеют где-то островок или клочок пустошей, громко именуемый герцогством. Но пользуются этими владениями крайне редко.

— Вот теперь все понятно, — задумчиво сообщила я ее высочеству. — Тогда позвольте представиться, перед вами герцогиня Дельгарская.

— Так вот почему ты интересуешься! — догадалась ее высочество и полезла в шкаф. — Где-то тут есть карта… и свод указов… мне всегда дают копию. Хотя его величество и обмолвился, что мне лучше читать книги о воспитании детей.

— Я помню, — кивнула я, изучая карту. — Ты тогда спросила, почему он сам никогда не открывал этих мудрых фолиантов.

— С тех пор он только изредка справляется о моем здоровье, — фыркнула Онгильена, но в ее голосе проскользнула боль.

Гили была одинока в этом огромном дворце, ее младший брат занимался своими мужскими делами, считая капризную сестру надежно пристроенным и так же надежно отрезанным ломтем, а сестренка вообще воспитывалась у двоюродной тетки. Ну а мачеха, которая была старше меня на три года, помнила только про балы и приемы. Родная мать принцессы погибла, когда Онгильене исполнилось всего двенадцать лет, и уже через год император женился на кукольно-хорошенькой юной маркизе.

— Гили, — поспешила я ее обнять, — не поминай его. Люди, которые нас не любят, не заслуживают нашего внимания — только забвения. Лучше думать о хорошем, а оно у тебя есть. Ходит в таком же платье, как у меня.

Купить полную версию книги